Lietuvos archeologijos draugija
Lietuvos istorijos institutas
Klaipėdos universitetas

L I E T U V O S

ARCHEO*logija* 34

DIEMEDŽIO LEIDYKLA
VILNIUS

VILNIUS 2009

UDK 902/904(474.5)
Li-227

Redaktorių kolegija:

Dr. Andra Simniškytė (ats. redaktorė)
(*Lietuvos istorijos institutas, Vilnius*)

Dr. Anna Bitner-Wróblewska
(*Valstybinis archeologijos muziejus Varšuvoje, Lenkija*)

Prof. dr. Rimantas Jankauskas
(*Vilniaus universitetas, Lietuva*)

Prof. dr. Eugenijus Jovaiša
(*Vilniaus pedagoginis universitetas, Lietuva*)

Prof. dr. Vladimir Kulakov
(*Rusijos archeologijos institutas, Maskva*)

Prof. dr. Valter Lang
(*Tartu universitetas, Estija*)

Doc. dr. Algimantas Merkevičius
(*Vilniaus universitetas, Lietuva*)

Dr. Tomas Ostrauskas
(*Lietuvos istorijos institutas, Vilnius*)

Dr. Gintautas Rackevičius
(*Pilių tyrimo centras „Lietuvos pilys“, Vilnius*)

Dr. Arnis Radiņš
(*Latvijos nacionalinis istorijos muziejus, Ryga*)

Dr. Eugenijus Svetikas
(*Lietuvos istorijos institutas, Vilnius*)

Doc. dr. Valdemaras Šimėnas
(*Lietuvos istorijos institutas, Vilnius*)

Dr. Vykintas Vaitkevičius
(*Klaipėdos universitetas, Lietuva*)

Doc. dr. Ilona Vaškevičiūtė
(*Lietuvos istorijos institutas, Vilnius*)

Dr. Gintautas Zabiela
(*Klaipėdos universitetas, Lietuva*)

Dovilė Urbanavičiūtė (ats. sekretorė)
(*Lietuvos istorijos institutas, Vilnius*)

Žurnalas registruotas: EBSCO Publishing: Central and Eastern European Academic Source
European Reference Index for the Humanities (ERIH)

ISSN 0207-8694
ISBN 978-9986-23-150-9

© Lietuvos istorijos institutas, 2009
© Straipsnių autoriai, 2009

LIETUVOS ARCHEOLOGIJA. 2008. T. 34, p. 211–252. ISSN 0207-8694

PUBLIKACIJOS

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ПОГОЩА: РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК 2005–2006 ГОДОВ

НИКОЛАЙ ПЛАВИНСКИЙ

Курганный могильник Погоща Браславского района Витебской области исследовался в 2005–2007 гг. археологической экспедицией под руководством автора. В данной статье рассматриваются материалы раскопок 2005–2006 гг. Могильник начал функционировать в третьей четверти I тыс н.э. как некрополь культуры псковских длинных курганов. Большинство исследованных погребальных насыпей относится ко второй половине/концу X – началу/ первой половине XI в. В это время могильник принадлежал коллективу, включавшему разных по происхождению и этнокультурной принадлежности членов, среди которых выделяются представители полоцкой княжеской администрации.

Ключевые слова: культура псковских длинных курганов, культура смоленско-полоцких длинных курганов, кремации, ингумации, формирование Полоцкого княжества.

Pogoshcha barrow cemetery (Braslav district, Vitebsk region) was excavated in 2005–2007 by an archaeological expedition under the author's supervision. The article examines the 2005–2006 excavation results. The cemetery began to be used as a burial ground by members of the Pskov Long Barrow culture in the third quarter of the 1st millennium AD. The majority of the barrows date to the second half / end of the 10th – the early / first half of the 11th centuries. At that time the cemetery belonged to a group, which included members of different ethnic and cultural origins, among which representatives of the Polotsk principality administration can be distinguished.

Keywords: Pskov Long Barrow culture, Smolensk – Polotsk Long Barrow culture, cremations, inhumations, founding of the Principality of Polotsk.

Курганный могильник Погоща находится в 500 м к северо-востоку от деревни Погоща (Опсовский сельский совет Браславского района Витебской области) на восточном берегу озера Бержонка в лесу (1 рис.). Памятник выявлен в 1996 г. местным краеведом Виктором Бунта.

Могильник размещается на террасе, которая сегодня возвышается над озером Бержонка примерно на 3 м (2 рис.). Озеро Бержонка располагается в бассейне реки Окуневка (впадает в озеро Дривяты). Его площадь – 0,21 кв.км, наибольшая глубина – 1,5 м, длина – 0,7 км, длина береговой линии – 1,7 км, площадь водосбора – 6,25 кв.км, соединяется ручьем с озером Погоща (Блакітны, 2007, 87). Следует отметить, что на протяжении нескольких последних десятилетий озеро подверглось сильному антропогенному воздействию. Уровень воды был опущен, а сам водоем загрязнен отходами деятельности свинокомплекса, размещенного на восточной окраине деревни Погоща. Поэтому судить о первоначальном уровне воды в озере и, соответственно, высоте террасы над ним можно будет только в случае проведения соответствующих палеогеографических исследований.

Курганы вытянуты между склоном террасы и лесной дорогой (2 рис.). Могильник зарос лесом (сосны, березы) и кустами (орешником и молодыми рябинами). Вся его площадь сильно пострадала от хозяйственной деятельности людей. Большая часть курганов

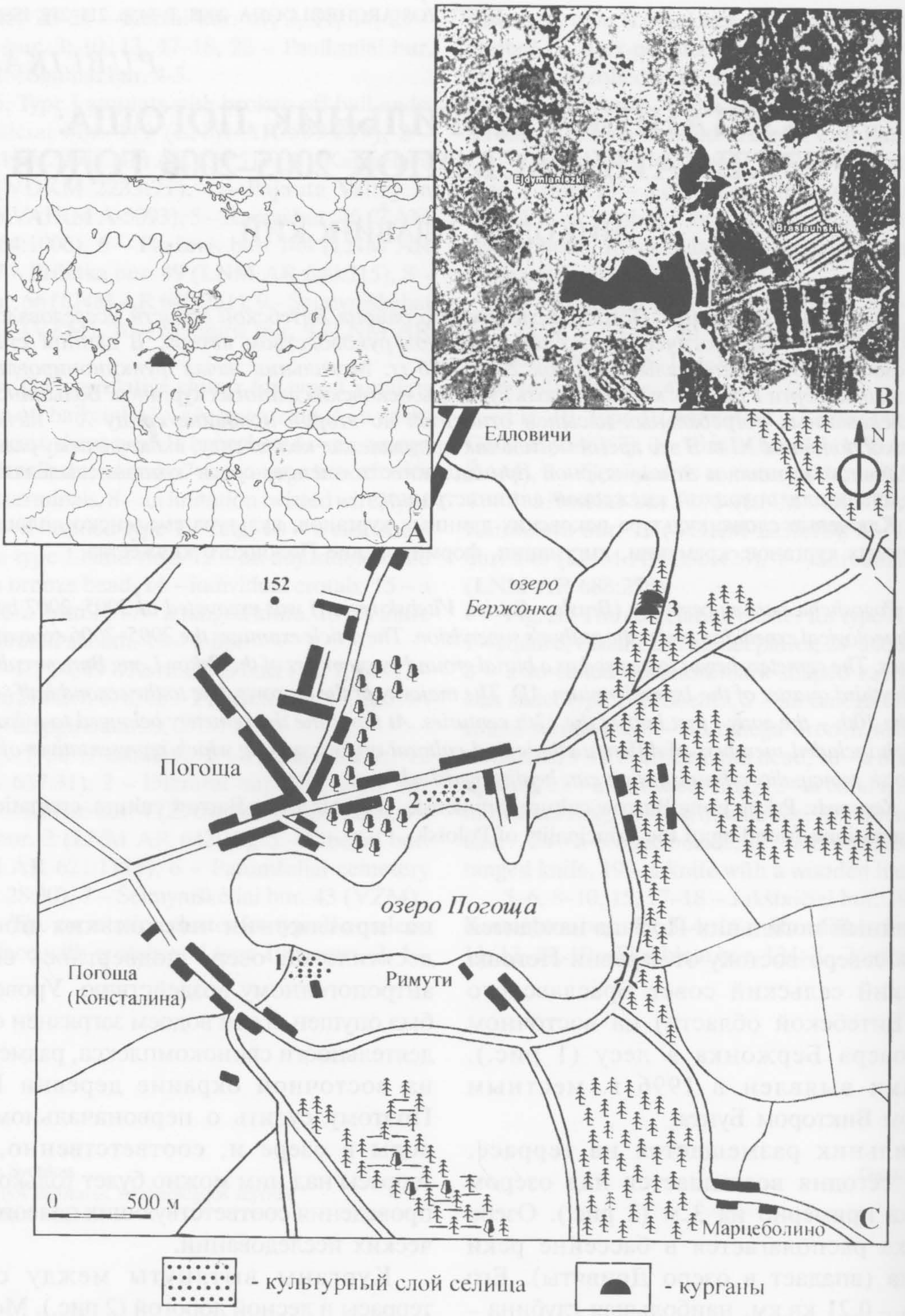


Рис. 1. А – размещение курганного могильника Погоща в междуречье Западной Двины и Дисны; В – окрестности деревни Погоща (космическая съемка) с размещением курганного могильника Погоща; С – археологические памятники в окрестностях деревни Погоща (1 – селище Погоща II (Конcталина), 2 – селище Погоща I, 3 – курганный могильник Погоща).

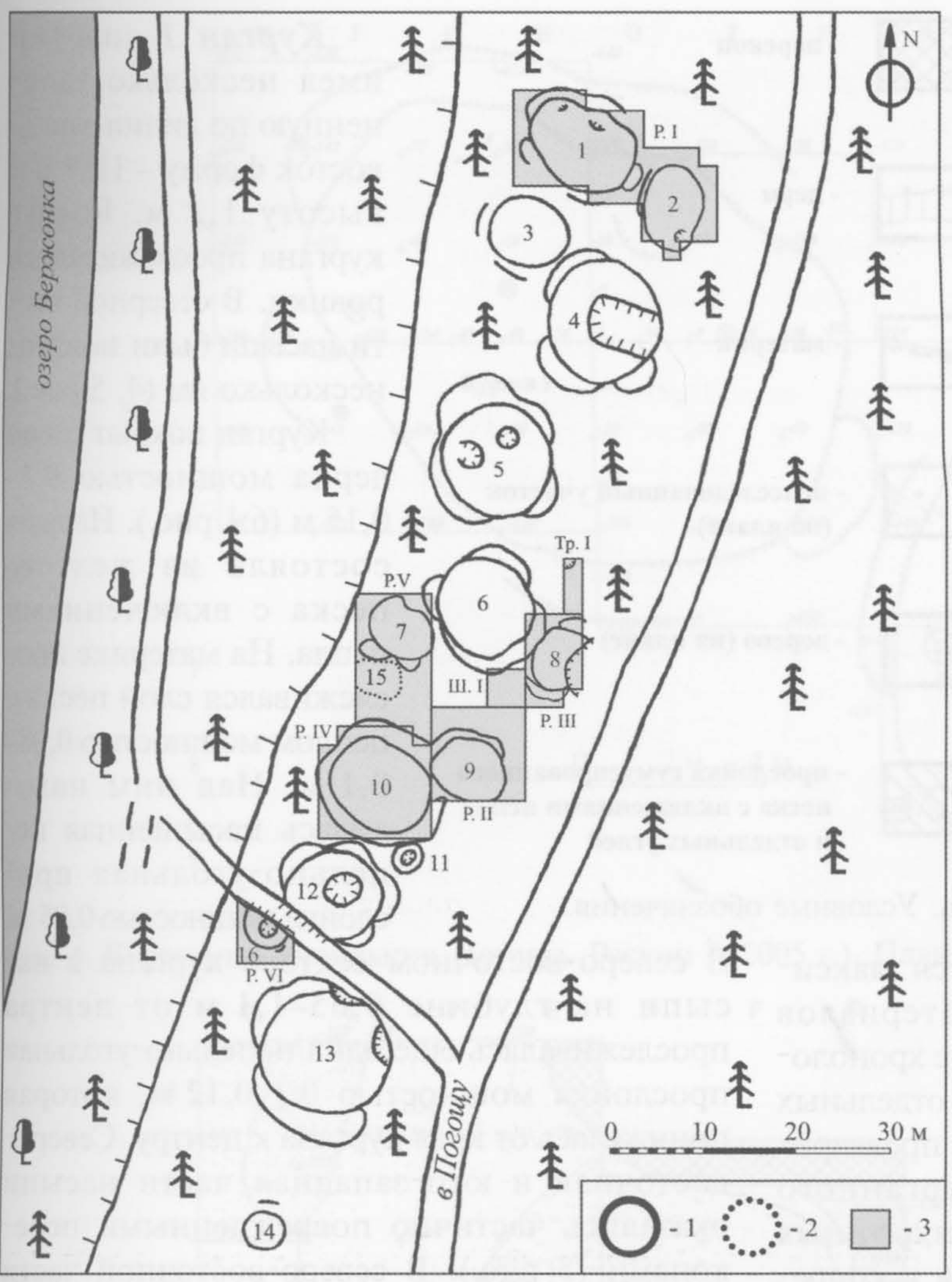


Рис. 2. План курганного могильника Погоща: 1 – курганы, видимые на уровне современной дневной поверхности, 2 – курганы, насыпи которых не прослеживаются на уровне современной дневной поверхности, 3 – площадь раскопов (Р. I – 2005 г.; Р. II, Р. III, Р. IV – 2006 г.; Р. V, Р. VI, Ш. I, Тр. I – 2007 г.).

повреждена и частично уничтожена разновременными кладоискательскими и хозяйственными ямами (эта территория используется как свалка и скотомогильник). Пространство между курганами засыпано строительным мусором и хозяйственными отходами. Первоначально нами было зафиксировано и нанесено на план 14 насыпей (Плавінскі, 2006, 217). Сегодня можно уверенно говорить о 16 курганах. Очевидно, в древности курганов было больше, чем фиксируется сейчас, и в ходе дальнейших раскопок количество исследованных насыпей будет постоянно увеличиваться.

Раскопки курганного могильника Погоща проводились на протяжении 2005–2007 гг. археологической экспедицией под руководством автора[1]. Исследования осуществлялись путем разработки раскопов, которые включали не только насыпи курганов и прилегающие к ним ровики, но и межкурганное пространство. Всего на протяжении трех лет было заложено 6 раскопов, 1 шурф и 1 траншея. Вскрытая площадь составила 642 м.кв (до материка – 605 м.кв (2 рис.). Работы осуществлялись в рамках плановых тем исследований автора по истории населения Белорусского Подвинья в конце I – начале второго II тыс. н.э.

Результаты проведенных в Погоще исследований до сих пор были опубликованы только в виде предварительных сообщений о раскопках (Плавінскі, 2006; 2007б), а также описания отдельных погребений (Плавінскі, 2007а, мал. 6; Плавінскі, Плавінскі, 2007, 135–136, мал. 2–3).

[1] В 2005–2006 гг. исследования проводились совместной экспедицией Национального музея истории и культуры Беларуси и Института истории Национальной академии наук Беларуси. В 2007 г. раскопки осуществлялись экспедицией Национального музея истории и культуры Беларуси, где хранятся материалы за все три года исследований.

Рис. 3. Курганный могильник Погоща. Условные обозначения.

Целью данной работы является максимально полная публикация материалов раскопок 2005–2006 гг., определение хронологии и культурной принадлежности отдельных погребальных комплексов, а также предварительное определение места курганного могильника Погоща среди синхронных древностей Браславского Поозерья и сопредельных регионов. Материалы исследований 2007 г. в данной публикации детально рассматриваться не будут. Однако в тех случаях, когда это необходимо для решения задач датирования и культурного определения памятника, мы будем использовать и предварительные результаты раскопок 2007 г.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ: ОПИСАНИЕ И ДАТИРОВКА

Раскоп I (2005 г.) площадью 174 кв.м (до материка вскрыто 158 кв.м) был заложен в северной части могильника и включил ***курганы 1*** и ***2*** (2, 4, 5 рис.).

Курган 1 снаружи имел несколько удлиненную по линии запад-восток форму – 11х9 м и высоту 1,2 м. Вокруг кургана прослеживались ровики. В северной части насыпи были заметны несколько ям (4, 5 рис.).

Курган покрыт слоем дерна мощностью 0,1–0,15 м (6:1 рис.). Насыпь состояла из желтого песка с включениями пепла. На материке прослеживался слой песка с пеплом мощностью 0,08–0,1 м. Над ним находилась насыщенная пепельно-угольная прослойка мощностью 0,05 м. В северо-восточном секторе кургана в насыпи на глубине 0,65–1,1 м от центра прослеживалась еще одна пепельно-угольная прослойка мощностью 0,1–0,12 м, которая понижалась от края кургана к центру. Северо-восточная и юго-западная части насыпи оказались частично поврежденными перекопами (5 рис.). В северо-восточной части кургана была выкопана яма – могила для скота, а в юго-западном секторе был прикопан строительный мусор. В северо-западной части насыпи были найдены три мелких фрагмента лепной керамики.

Приблизительно по центру площадки основания кургана была выкопана могильная яма размером 2,2х1,4 м и глубиной 0,6 м, ориентированная по линии запад–восток с небольшим отклонением к юго-востоку. Яма перерезала слой пепла с песком на материке. В ней находился костяк, ориентированный головой на восток. Сохранность скелета очень плохая – остались только череп, кости рук и ног, но очертания погребения достаточно хорошо «читались» по следам тлена. Погребенный

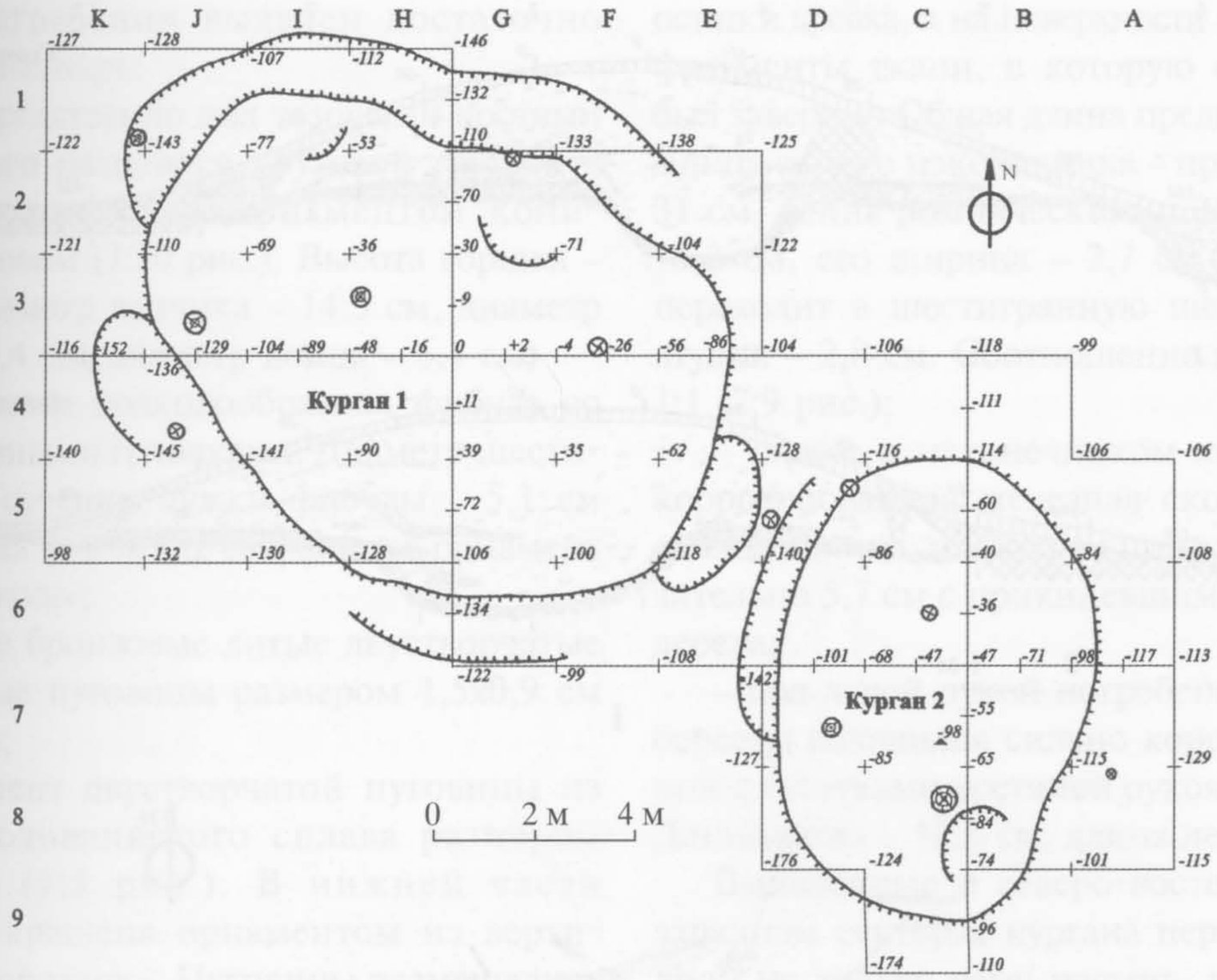


Рис. 4. Курганный могильник Погощa. Раскоп I (2005 г.). План дневной поверхности.

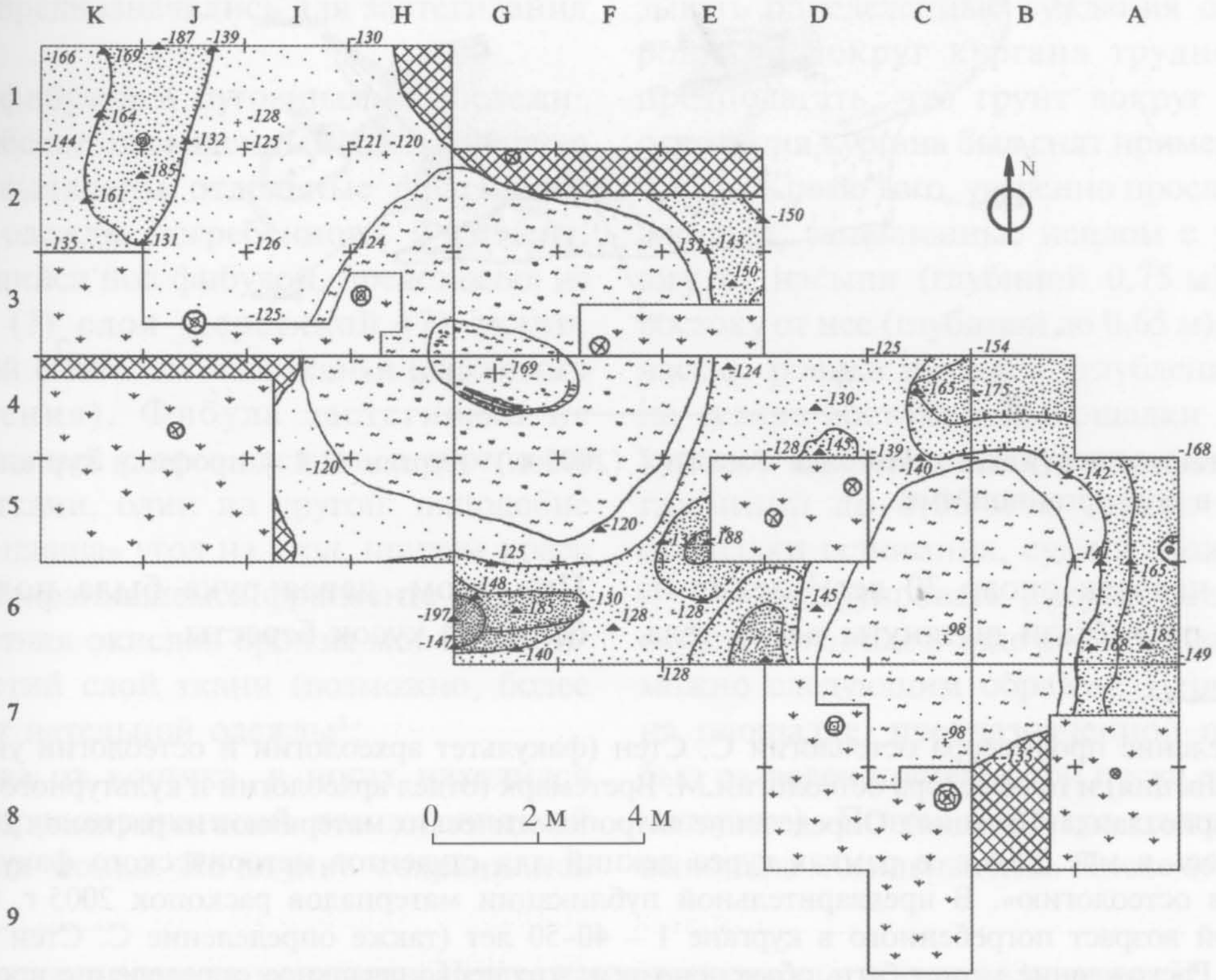
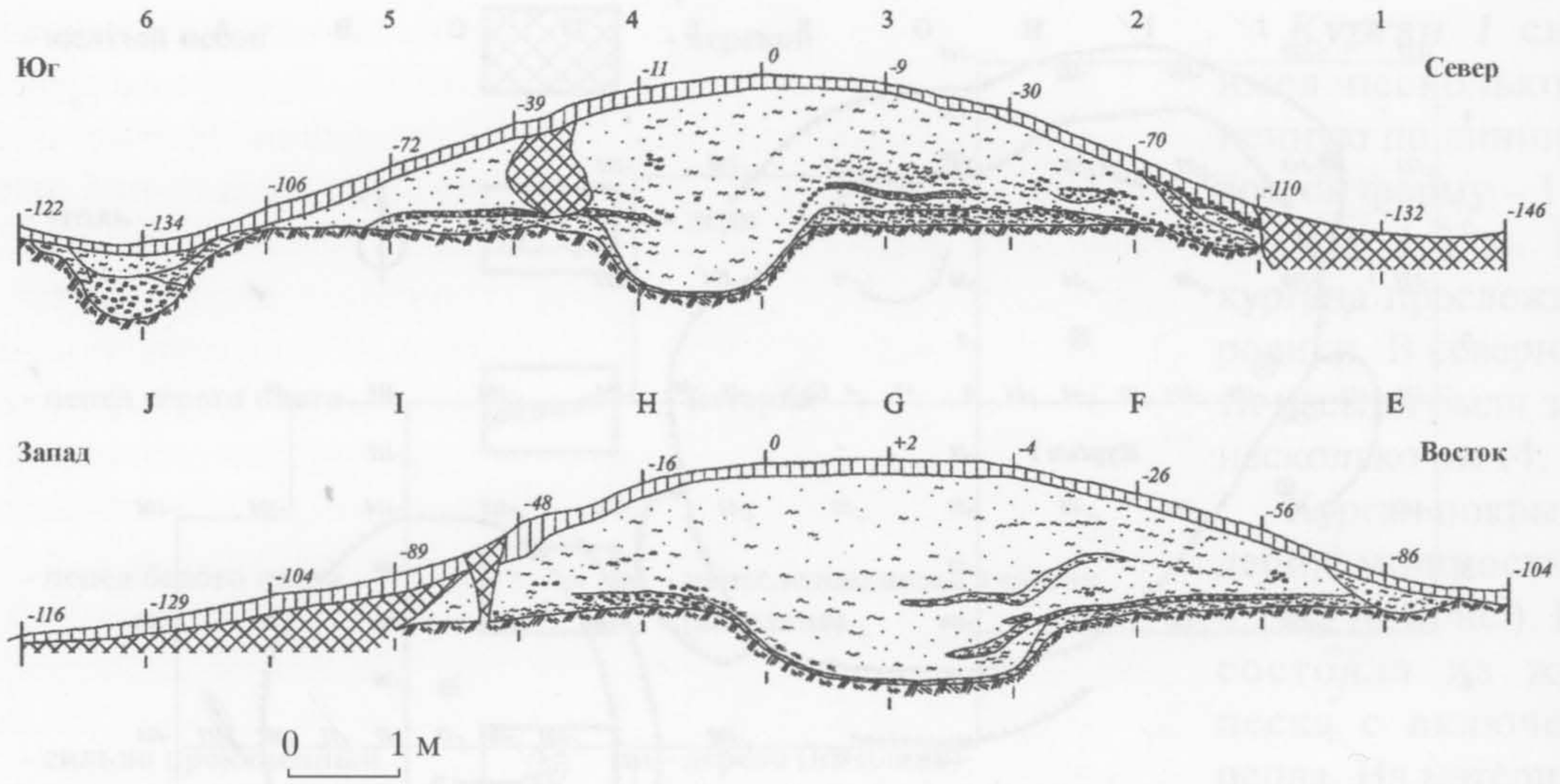


Рис. 5. Курганный могильник Погощa. Раскоп I (2005 г.). План материковой поверхности.



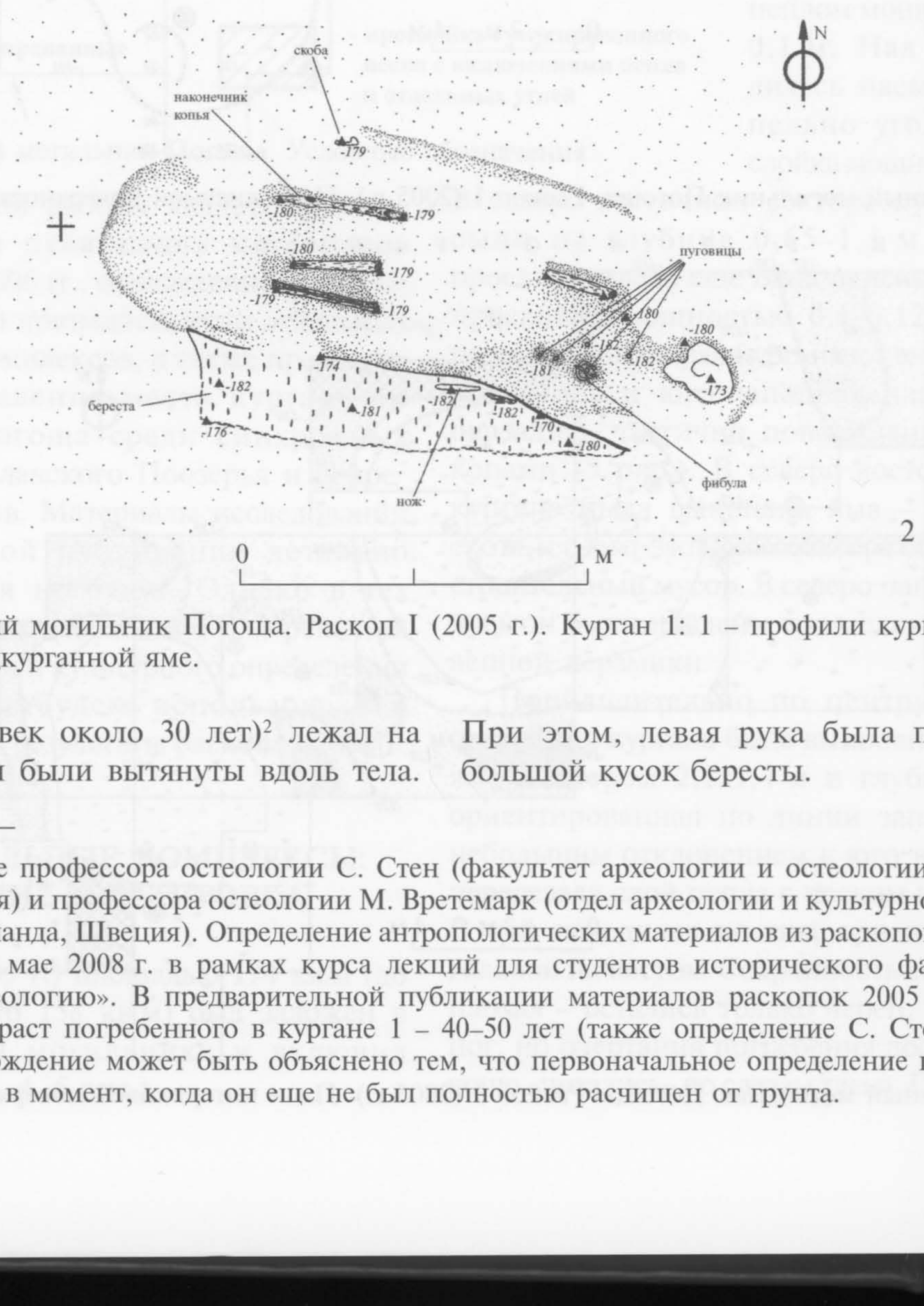


Рис. 6. Курганный могильник Погоща. Раскоп I (2005 г.). Курган 1: 1 – профили кургана, 2 – план погребения в подкурганной яме.

(взрослый человек около 30 лет)[2] лежал на спине, его руки были вытянуты вдоль тела. При этом, левая рука была положена на большой кусок бересты.

---

[2] Определение профессора остеологии С. Стен (факультет археологии и остеологии университета Готланда, Швеция) и профессора остеологии М. Вретемарк (отдел археологии и культурного ландшафта Музея Вестерйотланда, Швеция). Определение антропологических материалов из раскопок 2005–2007 гг. производилось в мае 2008 г. в рамках курса лекций для студентов исторического факультета БГУ «Введение в остеологию». В предварительной публикации материалов раскопок 2005 г. был указан также другой возраст погребенного в кургане 1 – 40–50 лет (также определение С. Стен (Плавінскі, 2006, 217)). Расхождение может быть объяснено тем, что первоначальное определение производилось только по черепу в момент, когда он еще не был полностью расчищен от грунта.

При погребении выявлен достаточно богатый инвентарь:

– непосредственно над тазовыми костями погребенного находился круговой горшок с покрытым линейным орнаментом коническим туловом (7:10 рис.). Высота горшка – 12,1 см, диаметр венчика – 14,5 см, диаметр тулова – 15,4 см, диаметр донца – 6,4 см;

– бронзовая подковообразная фибула со звездообразными головками. Диаметр шестигранной в сечении дужки фибулы – 5,1 см (7:7 рис.). На ее концах сохранился орнамент в виде «елочки»;

– четыре бронзовые литые двустворчатые грушевидные пуговицы размером 1,5х0,9 см (7:2–5 рис.);

– фрагмент двустворчатой пуговицы из свинцово-оловянистого сплава размером 1,75х1 см (7:1 рис.). В нижней части пуговица украшена орнаментом из вертикальных «бороздок». Пуговицы размещались в один ряд – от подбородка до низа грудной клетки и предназначались для застегивания одежды;

– под фибулой и пуговицами прослеживался наиболее насыщенный слой тлена, в котором выявлены отдельные фрагменты ткани от одежды погребенного. Фрагмент, сохранившийся под фибулой, представлял из себя два (?) слоя шерстяной (?) ткани, сплетенной способом полутканья (саржевого переплетения). Фибула застегивала не конструктивный разрез одежды, а скрепляла два слоя ткани, один на другой: наподобие «накидки-плаща» угол на угол, причем краев ткани на сохранившемся фрагменте нет. Из-за воздействия окислов бронзы мог сохраниться и третий слой ткани (возможно, более тонкой) от нательной одежды[3];

– справа от костяка, в ногах находился сильно коррозированный ланцетовидный наконечник копья. Во втулке сохранились остатки древка, а на поверхности наконечника – фрагменты ткани, в которую он, вероятно, был завернут. Общая длина предмета – 35,5 см. Длина самого наконечника – приблизительно 31 см, длина ромбического в сечении пера – 15,3 см, его ширина – 2,7 см. Перо плавно переходит в шестигранную шейку. Диаметр втулки – 2,8 см. Соотношение пера и втулки 1:1 (7:9 рис.);

– рядом с наконечником лежала сильно коррозированная железная скоба (7:6 рис.), сделанная из пластины, длиной приблизительно 5,7 см с прикипевшим к ней куском дерева;

– под левой рукой погребенного на куске бересты находился сильно коррозированный нож с остатками костяной рукоятки (7:8 рис.). Длина ножа – 12,8 см, длина лезвия – 7,2 см.

Выявленные в северо-восточном и юго-западном секторах кургана перекопы повредили не только саму насыпь, но и прилегающую к ней территорию. Поэтому высказывать определенные суждения о характере ровиков вокруг кургана трудно. Можно предполагать, что грунт вокруг площадки основания кургана был снят примерно на 0,1–0,15 м. Кроме того, уверенно прослеживаются две ямы, заполненные пеплом с углями – к югу от насыпи (глубиной 0,75 м) и к юго-востоку от нее (глубиной до 0,65 м). Вероятно, частью ровика является углубление до 0,3 м на северо-востоке от площадки основания кургана. Связана ли с курганом большая яма глубиной до 0,65 м к северо-западу от площадки основания, судить сложно.

Реконструировать ритуальные действия, осуществленные в ходе возведения кургана 1, можно следующим образом. Первоначально на площадке, предназначенной под курган, был разведен костер (слой песка с пеплом на материке). Потом в центре площадки была выкопана могильная яма. После ее засыпания

---

[3] Анализ ткани проведен методистом Центра народных ремесел и искусств «Задвинье» Н. А. Бобрович (Витебск).

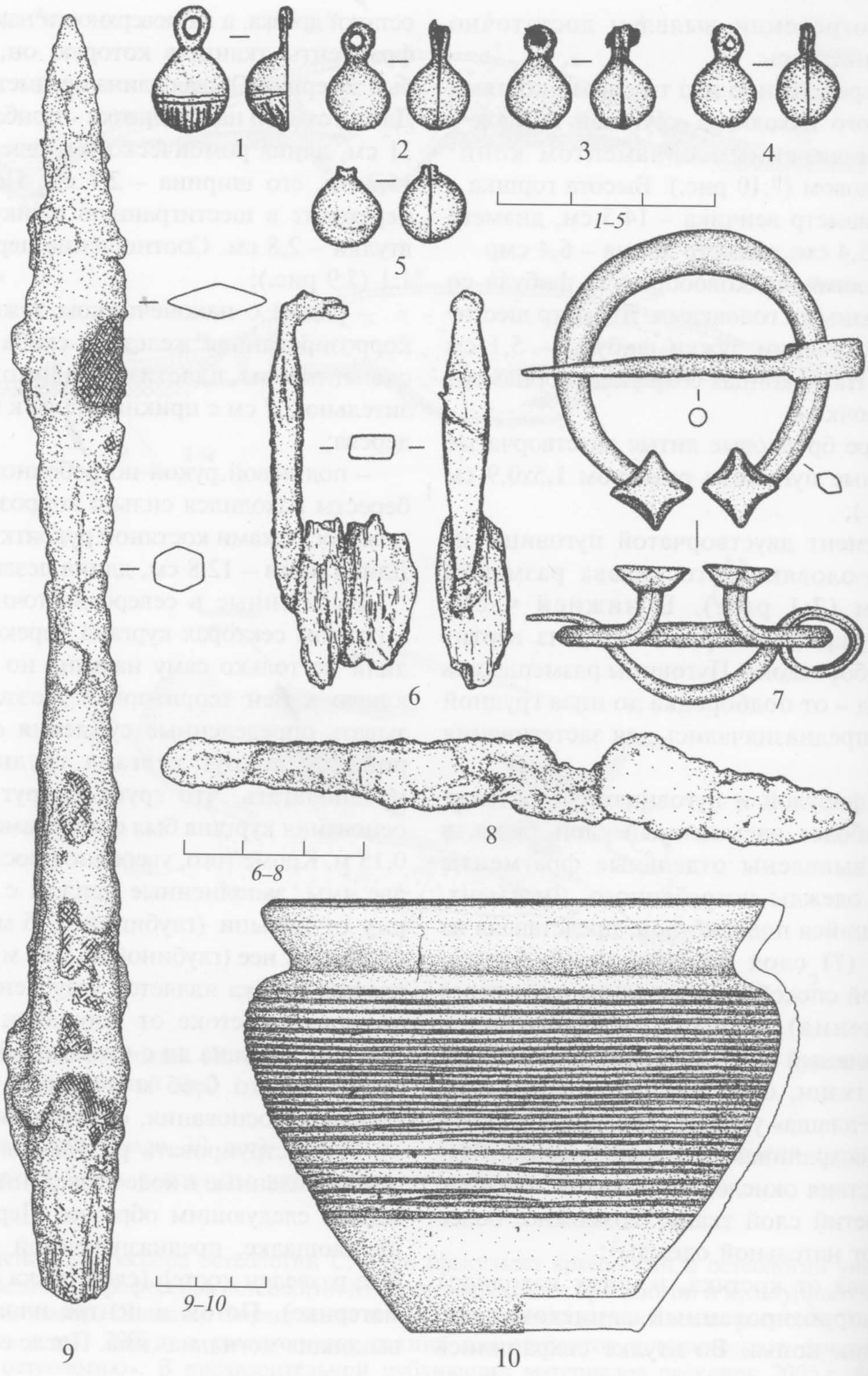


Рис. 7. Курганный могильник Погоща. Раскоп I (2005 г.). Курган 1. Погребальный инвентарь: 1-5 - пуговицы, 6 – скоба, 7 – фибула, 8 – нож, 9 – наконечник копья, 10 – круговой горшок.

мог быть разведен еще один костер (насыщенная пепельно-угольная прослойка в насыпи). Возведение кургана производилось частично из песка, взятого из «подрезки» склонов площадки основания, частично – из ровиков.

Наибольшую ценность для датировки кургана представляют фибула, наконечник копья и круговой горшок.

На Руси фибулы со звездообразными головками обнаружены в погребальных памятниках X – начала XI в., причем в Приладожье, Тимерево и ряде других мест они найдены только при мужских погребениях (Мальм, 1967, 162–163). В Новгороде аналогичные фибулы найдены в слоях середины X и последней трети XI в. (Седова, 1981, 86, рис. 30:9, 32:8). Фибулы со звездообразными головками известны у латгалов (в Эпоху Викингов (Радиньш, 2001, рис. 12:2), селов (X–XI вв. или X – начало XI в.) (Kazakevičius, 2000, 94, pav. 51; Selonians, 2007, № 528–529), земгалов (X–XI вв.) (Semigallians, 2005, fig. 403), ливов (Zariņa, 2006, att. 138:25, 27), куршей (Bliujienė, 1999, pav. 59), в древностях культуры восточнолитовских курганов (X–XI вв.) (Butėnas, 2002, pav. 12). Подобные находки известны и на Готланде (Thunmark-Nylén, 1998, taf. 87, 93–96), и на других территориях Балтийского региона (Žulkus, 2004, 241–242).

Ланцетовидные наконечники копий суммарно датируются на Руси X – первой половиной XI в. (Кирпичников, 1966, 9). На территории Беларуси узко датированные ланцетовидные наконечники с неорнаментированной втулкой относятся ко второй половине X – первой половине XI в. и происходят с западного пограничья Полоцкой земли (Плавінскі, 2007а, 161).

Литые двустворчатые грушевидные пуговицы не имеют узкой датировки. В древностях культуры смоленско-полоцких длинных курганов (далее – КСПДК) они известны с середины VIII – первой половины IX в. (Нефёдов, 2002, 135, рис. 3:10–11). Их использование продолжалось в Новгороде и на территории Беларуси до XV в. (Седова, 1981, 135; Лесман, 1990, 60; Дучыц ir kt., 2001, 136, мал. 139:3).

Пуговицы, аналогичные погощанской, с орнаментом из вертикальных «бороздок», найденные в Бирке, рассматриваются исследователями как заимствованные с востока или из Византии (Jansson, 1989, 605–607; Hedenstierna-Jonson, Holmquist-Olausson, 2006, 47; Амбросиани, Андрощук, 2006, 7). При этом и в Бирке, и на Руси подобные пуговицы обычно связаны с кругом элитарных дружинных древностей (Сизов, 1902, табл. III:53; Arbman, 1943, abb. 321:19; Ширинский, 1999, рис. 26:III.98:3, 28:III.114:7, 28:III.122:6, 29:I–III.1:7–8; Хвощинская, 2004, 93, 196, табл. XXXIII).

Нож с остатками костяной рукояти принадлежит к типу IV по Р. С. Минасяну и, соответственно, может быть датирован в широких рамках середины VIII–XII вв. (Минасян, 1980, 72–740).

Функциональное назначение железной скобы, так же как и точные аналогии этой находке, автору остаются неизвестными.

Насколько можно судить сегодня, круговая керамика распространяется в погребальных памятниках западной части Белорусского Подвинья и Двинско-Неманского междуречья примерно с середины X в. (Плавінскі, Плавінскі, 2005а, 130; 2005б, 125; Плавінскі, Штыхаў, 2006, 69–70).

Таким образом, на основе имеющихся данных широкая дата кургана 1 может быть определена в рамках второй половины X – первой половины XI в. Причем наиболее вероятной представляется его датировка концом X – началом XI в.

Курган 2 снаружи имел слегка удлиненную по линии север–юг форму (4 рис.). На форму насыпи повлияло повреждение ее южной части современными ямами (5 рис.). Размер кургана – 9х6 м, его высота – около 0,8 м.

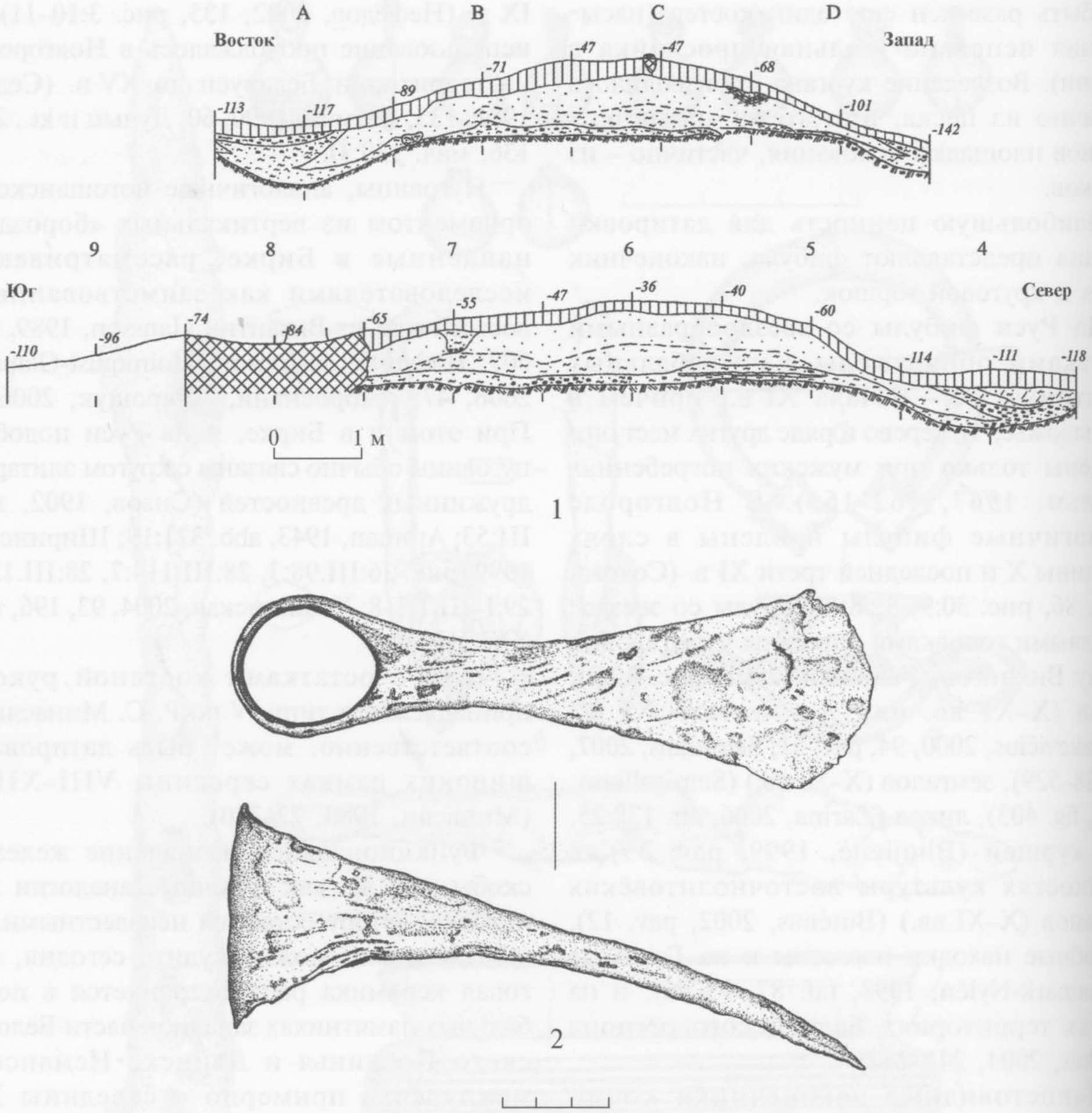


Рис. 8. Курганный могильник Погоща. Раскоп I (2005 г.). Курган 2: 1 – профили кургана, 2 – железная мотыга, найденная в насыпи кургана.

При внешнем осмотре с северо-западной стороны насыпи прослеживался ровик шириной около 1 м.

Курган был покрыт слоем дерна (8:1 рис.) мощностью 0,1–0,2 м. Верхняя часть насыпи мощностью около 0,3–0,4 м состояла из желтого песка. Ниже шел желтый песок, насыщенный пеплом (0,15–0,3 м). Основание кургана было покрыто пепельно-угольной прослойкой (5 рис.), местами достигавшей мощности 0,2 м. Погребения курган не содержал.

В юго-западном секторе кургана (квадрат С7) в насыпи была найдена железная проушная мотыга (8:2 рис.), которую, вероятно, потеряли в ходе возведения насыпи. Длина предмета – 18,8 см, ширина лезвия - 5,8 см. Аналогичные мотыги известны в прибалтийских древностях с середины I тыс.

н.э. (Седов, 1987, табл. CXV:34; 2007, 90, рис. 71:5). В Литве и Латвии подобные мотыги, происходящие из женских захоронений, датируются V–XI вв. (Volkaitė-Kulikauskienė, 1961, pav. 209:5; Tautavičius, 1996, 358, pav. 28:3; Vaškevičiūtė, 2000a, 260; Semigallians, 2005, 132, fig. 90, 99, 162, 244, 678–682), причем наиболее характерны они для земгалов (Vaškevičiūtė, 2000b, 156). На Руси употребление аналогичных орудий продолжалось на протяжении всего древнерусского периода (Седов, 2007, 313, рис. 323:1–6). При этом исследователи отмечают тот факт, что древнерусские проушные мотыги трудноотличимы от тесел (Чернецов ir kt., 1985, 224; Хвощинская, 2004, 106). Очень близкая мотыга происходит из кургана 6 (также из насыпи) могильника Сосенка (Вилейский район Минской области (Звяруга, 2005, мал. 85:1), оставленного носителями КСПДК.

Южная часть насыпи повреждена перекопом, который дошел до материка (5 рис.). В слое перекопа в юго-восточном секторе кургана был выявлен мелкий фрагмент лепной керамики.

Первоначальный размер площадки основания кургана по линии запад–восток составлял 5 м. Первоначальную длину основания кургана по линии север–юг определить невозможно, так как южная часть насыпи повреждена перекопом. Но очевидно, что она составляла не менее 6 м.

Сплошного ровика вокруг кургана не было. Грунт вокруг площадки основания был снят приблизительно на 0,1–0,2 м. По сторонам света с отклонением примерно в 7° выявлены три ямы с пепельно-угольным заполнением. Первая из них, размещенная на север от кургана, достигала глубины 0,5 м. Яма к востоку от кургана достигала глубины около 0,6 м. Третья яма, находившаяся к западу от кургана, достигала глубины 0,5 м.

Последовательность действий в ходе возведения насыпи можно реконструировать следующим образом. Вероятно, первоначально на месте будущего кургана был разложен костер. После этого грунт вокруг площадки основания был снят и пошел на возведение насыпи, в результате чего образовалась прослойка песка, насыщенного пеплом. После этого вокруг кургана по сторонам света с небольшим отклонением были выкопаны ровики, грунт из которых использовали для завершения насыпи. Датировка кургана может быть определена на основании находки мотыги только приблизительно – в крайне широких рамках второй половины I – первых веков II тыс. н.э.

Наиболее значительные по объему исследования были произведены в центральной части могильника (2 рис.). На протяжении 2006–2007 гг. тут были заложены **Раскопы II–V**, **Шурф I** и **Траншея I** общей площадью 436 кв.м (2, 9 рис.). Как отмечалось в начале, данная статья посвящена публикации результатов раскопок 2005–2006 гг. Поэтому ниже мы детально рассматриваем материалы исследований, проведенных в центральной части могильника в 2006 г. – **Раскопы II–IV** общей площадью 292 кв.м, из которых до материка было исследовано 275 кв.м.

Раскоп II площадью 100 кв.м был заложен с целью исследования ***кургана 9*** (рис. 10). При этом в северо-восточной части раскопа (квадраты 11, 16–17, 21–22) остался неисследованным участок приблизительно 4 кв.м под двумя старыми соснами (11 рис.). Поэтому вскрытая до материка площадь раскопа составила 96 кв.м.

Снаружи курган не имел заметных повреждений (10 рис.). Форма насыпи овальная. Ее длина с северо-запада на юго-восток – 8 м, ширина с северо-востока на юго-запад – 6,5 м, высота – 0,75–0,8 м. С северной, западной и юго-западной сторон кургана прослеживался ровик шириной до 1,2 м и глубиной 0,1–0,2 м. При этом, с западной и, частично, юго-западной сторон ровик кургана 9 сливался с ровиком кургана 10.

Насыпь была покрыта слоем дерна

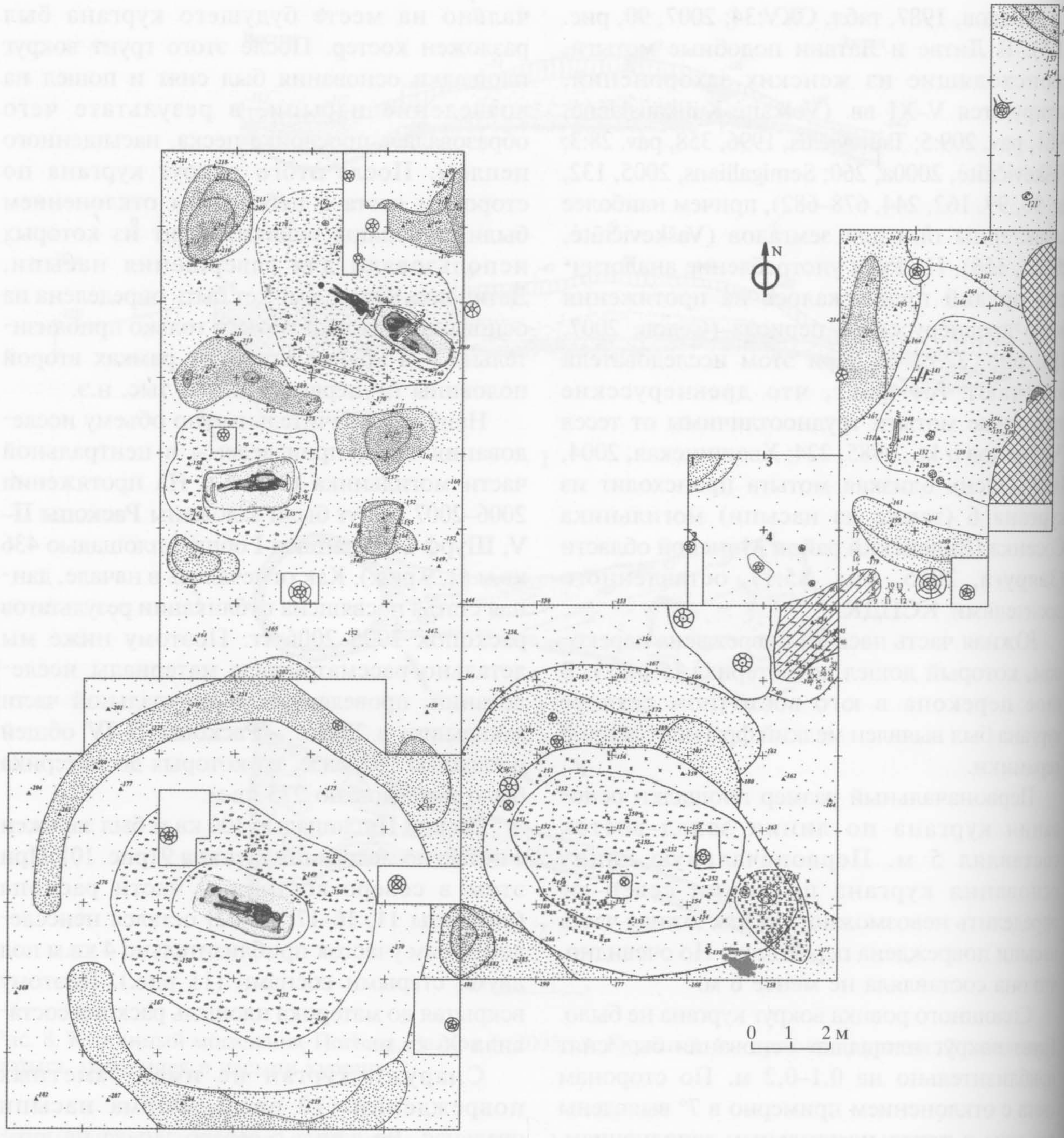


Рис. 9. Курганный могильник Погоща. План материковой поверхности Раскопов II–V, Шурфа I и Траншеи I (2006–2007 гг.).

мощностью 0,1–0,18 м и состояла из желтого песка, в котором попадались отдельные включения пепла. На глубине 0,5 м от вершины интенсивность пепельных включений увеличивалась. На глубине 0,6–0,65 м выявлена пепельно-угольная прослойка мощностью 0,1–0,15 м, которая залегала сразу на материке. Причем угли находились в верхней части этой прослойки (11 рис.).

Первоначально основание кургана имело

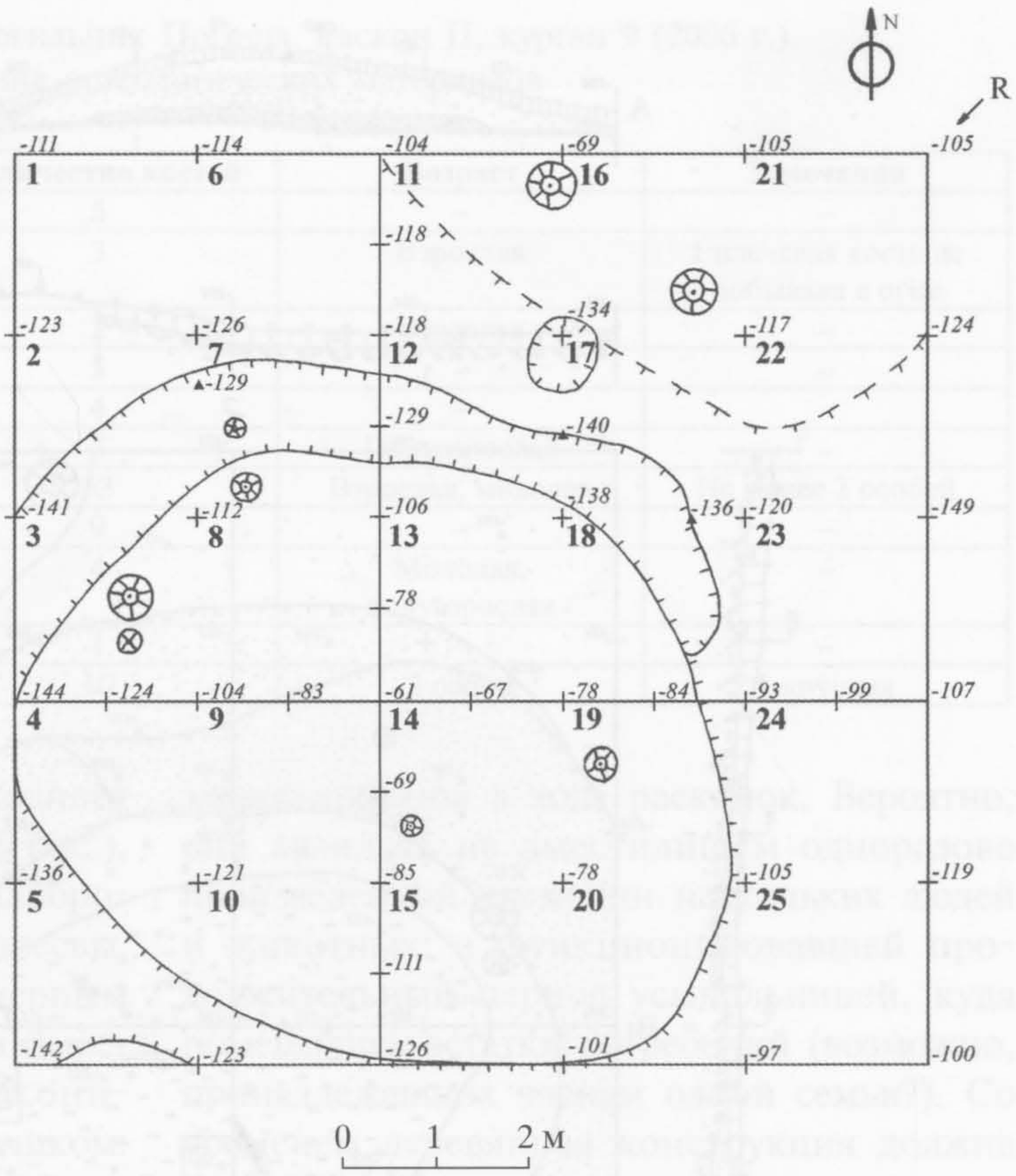


Рис. 10. Курганный могильник Погоща. Раскоп II, курган 9 (2006 г.). План дневной поверхности.

овальную форму и было вытянуто с на северо-запада на юго-восток – 8,7 м при ширине 5,8 м. Пепельно-угольная прослойка на основании кургана имела размер 5,9 м с северо-запада на юго-восток и 4 м с северо-востока на юго-запад (11 рис.).

Ни в пепельно-угольной прослойке на основании кургана, ни на материке погребений выявлено не было. В то же время под дерном и в верхних слоях насыпи были найдены многочисленные кальцинированные кости. Отдельные мелкие кости находились даже в ровике за пределами насыпи. Наибольшая концентрация кальцинированных костей прослеживалась в юго-восточном секторе кургана (11 рис.). Непосредственно под дерном на юго-восточном краю насыпи и частично в ровике за ее границами (квадраты 19–20, 24–25) была выявлена аморфная прослойка кальцинированных костей с отдельными включениями пепла и мелких углей, вытянутая по линии северо-запад – юго-восток, размером 2,65х1,7 м и мощностью до 0,15 м. Вес найденных костей превышает 6,1 кг. Среди них удалось определить останки не менее чем четырех человек – один взрослый мужчина, одна взрослая женщина и двое детей[4]. Кроме того, в сожжении идентифицированы кости зайца, белки, куницы, собаки, представителя семейства собачьих, свиньи, козы, овец, крупного рогатого скота, двух птиц и фрагмент ракушки моллюска Unio (1 табл.)[5]. В прослойке кальцинированных костей найдено 34 фрагмента оплавленных бронзовых украшений, среди которых можно определить:

– фрагмент бронзового браслета с расширенными (овальными в сечении) орнаментированными концами (1,1х1 см (12:5 рис.);

– 4 фрагмента бронзовых литых браслетов, орнаментированных двумя горизонтальными параллельными линиями (рис. 12:1–4). Ширина браслетов – 0,6 см. Очевидно, что фрагменты относятся к нескольким браслетам, но определить их первоначальное количество невозможно;

– 8 фрагментов бронзовых колечек диаметром 2–2,2 см из трехгранной в сечении проволоки (12:6–10 рис.). При этом не исключено, что данные фрагменты принад-

[4] Определение С. Стен и М. Вретемарк.

[5] Остеологический анализ проведен младшим научным сотрудником Института истории НАН Беларуси А.А. Разлуцкой.

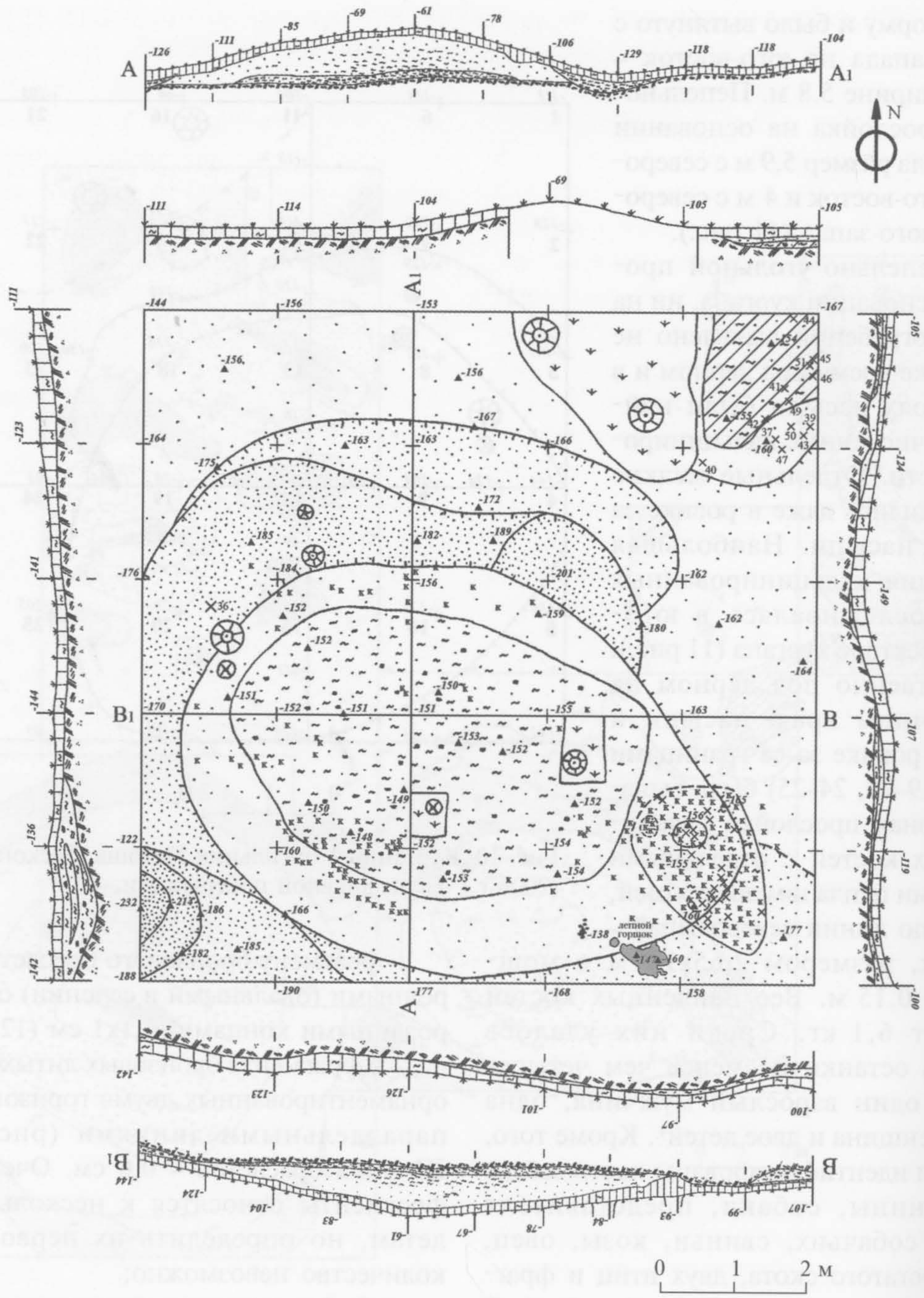


Рис. 11. Курганный могильник Погоща. Раскоп II, курган 9 (2006 г.). План материковой поверхности и профили.

лежат не кольцам, а пронизке (или пронизкам) большого диаметра;

– 12 фрагментов бронзовых спиральных пронизок из трехгранной в сечении проволоки диаметром около 0,7 см (12:11–14 рис.);

– 10 крайне сильно оплавленных фрагментов бронзовых изделий, которые не поддаются идентификации (12:15–18 рис.).

Рядом с прослойкой кальцинированных костей к югу от нее, у южной стенки раскопа

Таблица 1. Курганный могильник Погоща. Раскоп II, курган 9 (2006 г.). Определение остеологических материалов

Вид	Количество костей	Возраст	Замечания
Заяц Lepus sp.	5	–	–
Белка обычная *Sciurius vulgaris*	3	Взрослая	1 плечевая кость не побывала в огне
Куница *Martes sp.*	2	Взрослая	–
Семейство Собачьих *Canidae*	5	–	–
Собака *Canis lupus familliaris*	4	–	–
Свинья домашняя *Sus scrofa domestica*	5	Полувзрослая	–
Овца *Ovis aries*	53	Взрослая, молодая	Не менее 2 особей
Коза *Capra hircus*	9	–	–
Крупный рогатый скот *Bos taurus*	4	Молодая, полувзрослая	–
Ракушка	1	–	–
Птица	10	2 особи	1 крупная

II (в квадратах 21 и 25), под дёрном находился развал большого лепного горшка (12:19 рис.), сделанного из теста с примесью некалиброванной, преимущественно крупной, дресвы. Горшок отличается слабым неравномерным обжигом, цвет глины коричневый. Он имеет слабопрофилированную усеченно-коническую форму с отогнутым наружу венчиком: высота – 22,5 см, диаметр венчика – 26 см, диаметр донца – 18 см.

Курган был окружен ровиком шириной 2 м и глубиной 0,2–0,45 м. Западная и юго-западная часть ровика кургана 9 сливается с ровиком кургана 10, в то же время его южная часть выходит за границы Раскопа II (10 рис.).

Последовательность действий, произведенных в ходе сооружения кургана 9, может быть реконструирована следующим образом. На площадке, предназначенной под курган, был разведен костер. После чего из грунта, взятого из ровиков, была возведена насыпь. Очевидно, что остатки совершенного на стороне трупосожжения нескольких людей и животных не были закопаны в насыпь. Характер размещения прослойки кальцинированных костей в юго-восточной части насыпи позволяет предполагать, что первоначально они были помещены в некой деревянной конструкции на ее вершине. Эта конструкция не оставила следов, которые могли бы быть зафиксированы в ходе раскопок. Вероятно, она являлась не вместилищем одноразово произведенной кремации нескольких людей и животных, а функционировавшей продолжительный период усыпальницей, куда помещались остатки погребений (возможно, принадлежавших членам одной семьи?). Со временем деревянная конструкция должна была обветшать, а находившиеся в ней кости начали просыпаться (этим объясняется их нахождение по всей площади поверхности насыпи). Наконец, когда деревянная конструкция окончательно обветшала, она, очевидно, завалилась в юго-восточном направлении, а кальцинированные кости из нее рассыпались по склону кургана. Сюда же скатился горшок (причем костей внутри него не было).

Наиболее ценными для датировки кургана представляются браслеты и лепной горшок.

Браслеты с расширенными овальными в сечении орнаментированными концами широко известны в древностях лесной зоны Восточной Европы третьей четверти I тыс. н.э. либо V–VII вв. и выходят из употребления в VIII в. (Корзухина, 1978, 35, табл. 12:5–7; Bertašius, 2002, pav. 25:a; Шмидт, 2003, 82–83; Родинкова, Седин, 2004, 244; Шадыра, 2004; Исланова, 2006, 101). На памятниках

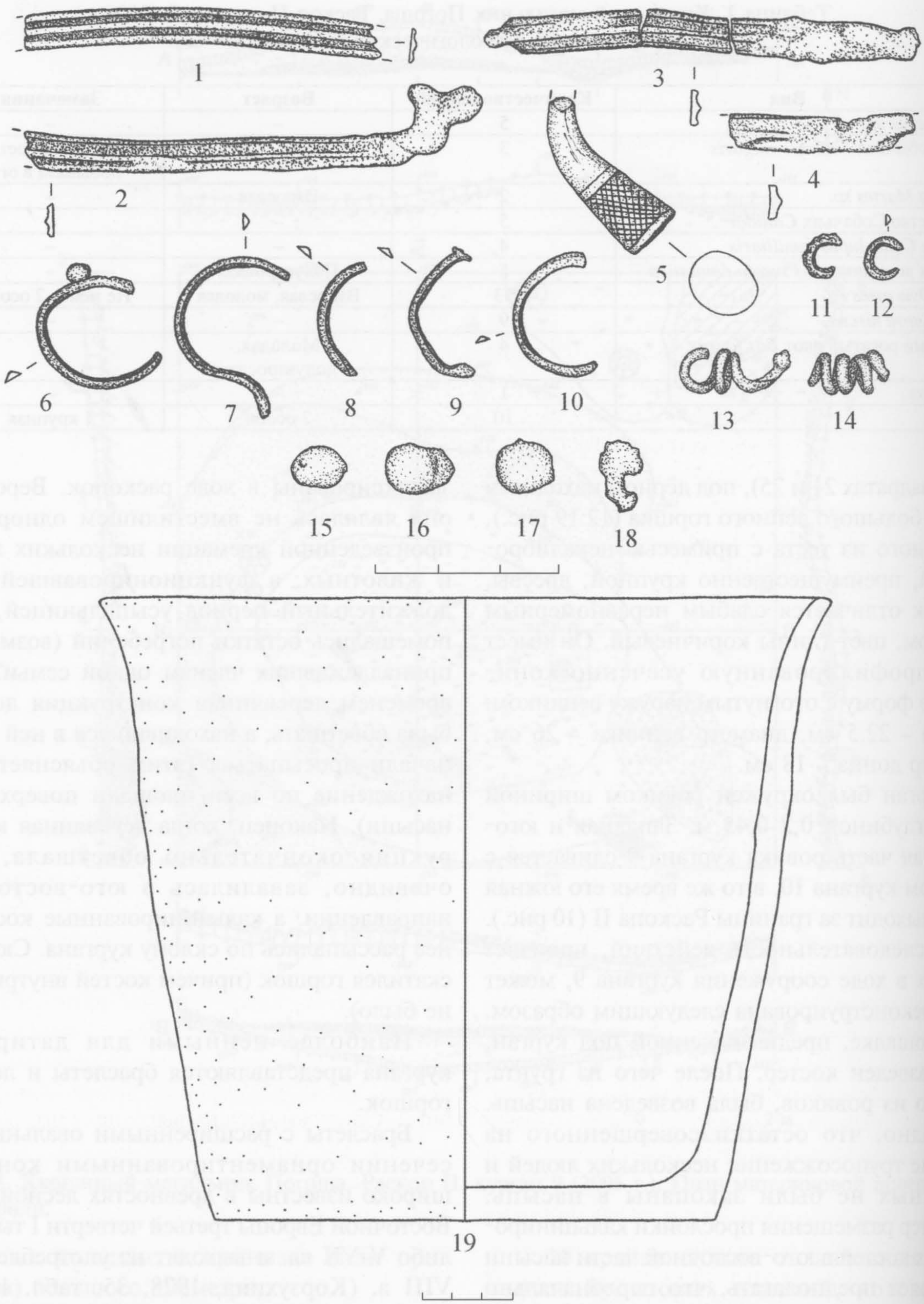


Рис. 12. Курганный могильник Погоща. Раскоп II, курган 9 (2006 г.). Погребальный инвентарь: 1-5 - фрагменты браслетов, 6–9 – фрагменты колечек (или спиральных пронизок?), 11–14 – фрагменты спиральных пронизок, 15–18 – фрагменты оплавленных изделий, 19 – лепной горшок.

латгалов и селов они датируются VI–VIII вв. (Vaska, 2006, att. 8:1–5; Selonians, 2007, fig. 640–643) или, по Я. Циглису, – второй половиной VII - началом VIII в. (Ciglis, 2001, 53, 57, fig. 4). Ближайший по характеру орнаментации экземпляр происходит из Никодимова (не позже конца VII – начала VIII в. (Родинкова, Седин, 2004, 24)).

Аналогии орнаментированным горизонтальными параллельными линиями браслетам известны на памятниках культуры псковских длинных курганов (далее – КПДК (Михайлова, 2006, 111, рис. 3:5) и в могильнике Марвеле в Литве (Bertašius, 2002, pav. 61).

Пронизки и кольца (?) из трехгранной в сечении проволоки узкой датировки не имеют.

Лепной горшок имеет ближайшие аналогии в погребениях КПДК типа Дорохи и типа Жеребятино, по Н. В. Лопатину, и может быть приблизительно датирован третьей четвертью I тыс. н.э. (Штыхаў, 1992, 21–40; Лопатин, Фурасьев, 2007, 92–93, рис. 46–47).

На основании находок погребение по обряду трупосожжения в кургане 9 может быть датировано в рамках третьей четверти I тыс. н.э., при этом наиболее вероятной представляется датировка комплекса VII в.

В северо-восточном углу Раскопа II (квадрат 21) выявлена аморфная прослойка слабо гумусированного песка светло-серого цвета с включениями пепла и отдельных угольков мощностью 0,1–0,12 м (11 рис.), которая содержала мелкие фрагменты керамики бронзового века (22:4–9 рис.). Кроме того, в заполнении ровика с северо-западной стороны кургана 9 (квадрат 3) был найден фрагмент грузила от рыболовной сети из глины коричневого цвета (22:10b рис.). Находка может датироваться в самых широких хронологических границах.

Раскоп III площадью 56 кв.м был заложен с целью изучения ***кургана 8*** (13 рис.). Юго-восточная часть квадрата 10 и южная часть квадрата 14 не исследовались по причине того,

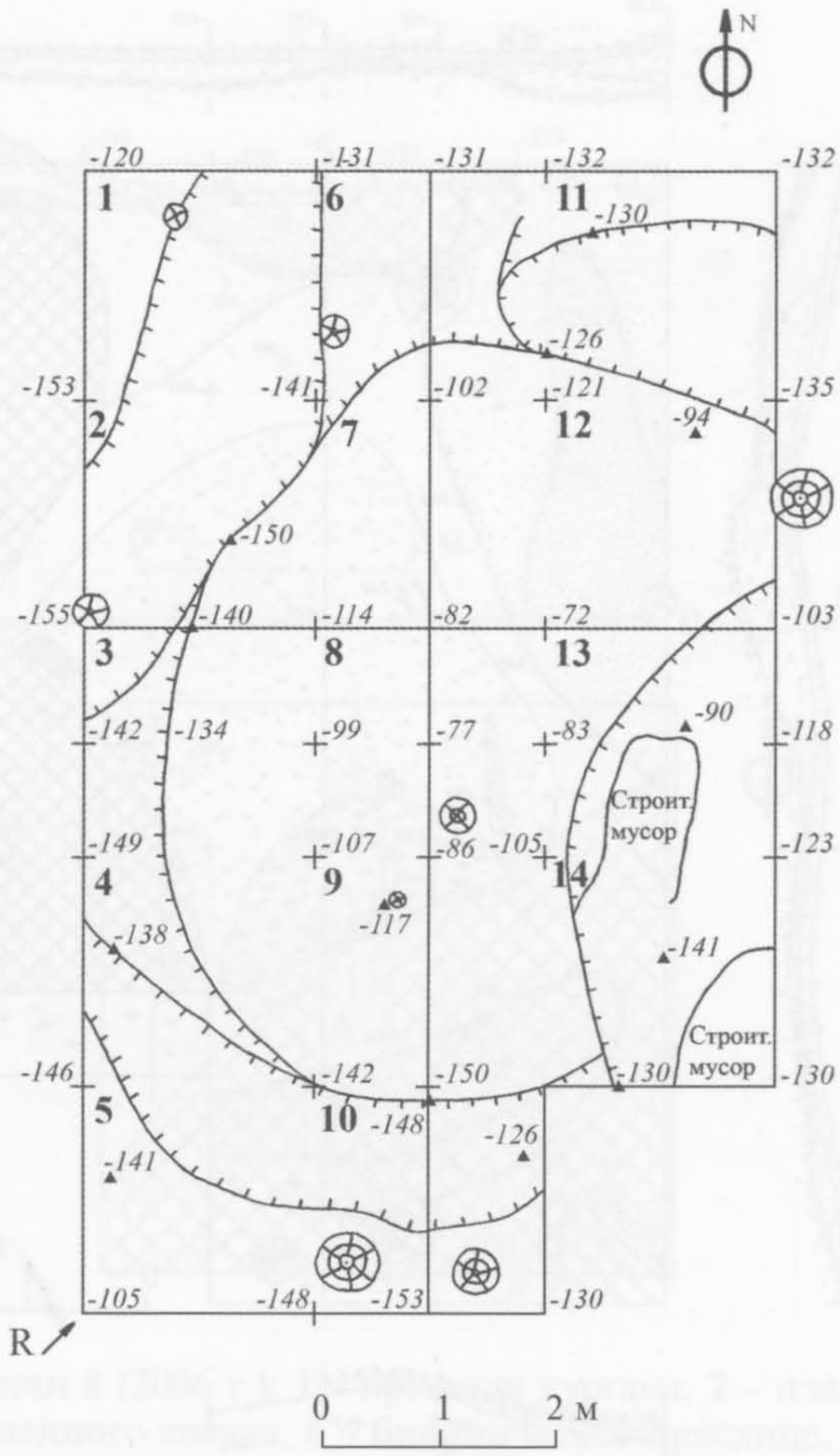


Рис. 13. Курганный могильник Погоща. Раскоп III, курган 8 (2006 г.). План дневной поверхности.

что на их площади либо в непосредственной близости к ним росли мощные сосны. Поэтому реальная площадь раскопа составила 53 кв.м.

Курган 8 являлся одним из наиболее сильно поврежденных в могильнике (2, 13 рис.). Снаружи насыпь выглядела полусферической. При этом восточная часть кургана уничтожена большой придорожной ямой, заполненной строительным мусором и металлоломом. Длина насыпи по линии север-юг – 6,6 м, по линии запад-восток – всего 3,8 м, ее высота – 0,75 м. С юго-восточной, юго-западной и северо-западной сторон кургана прослеживались ровики

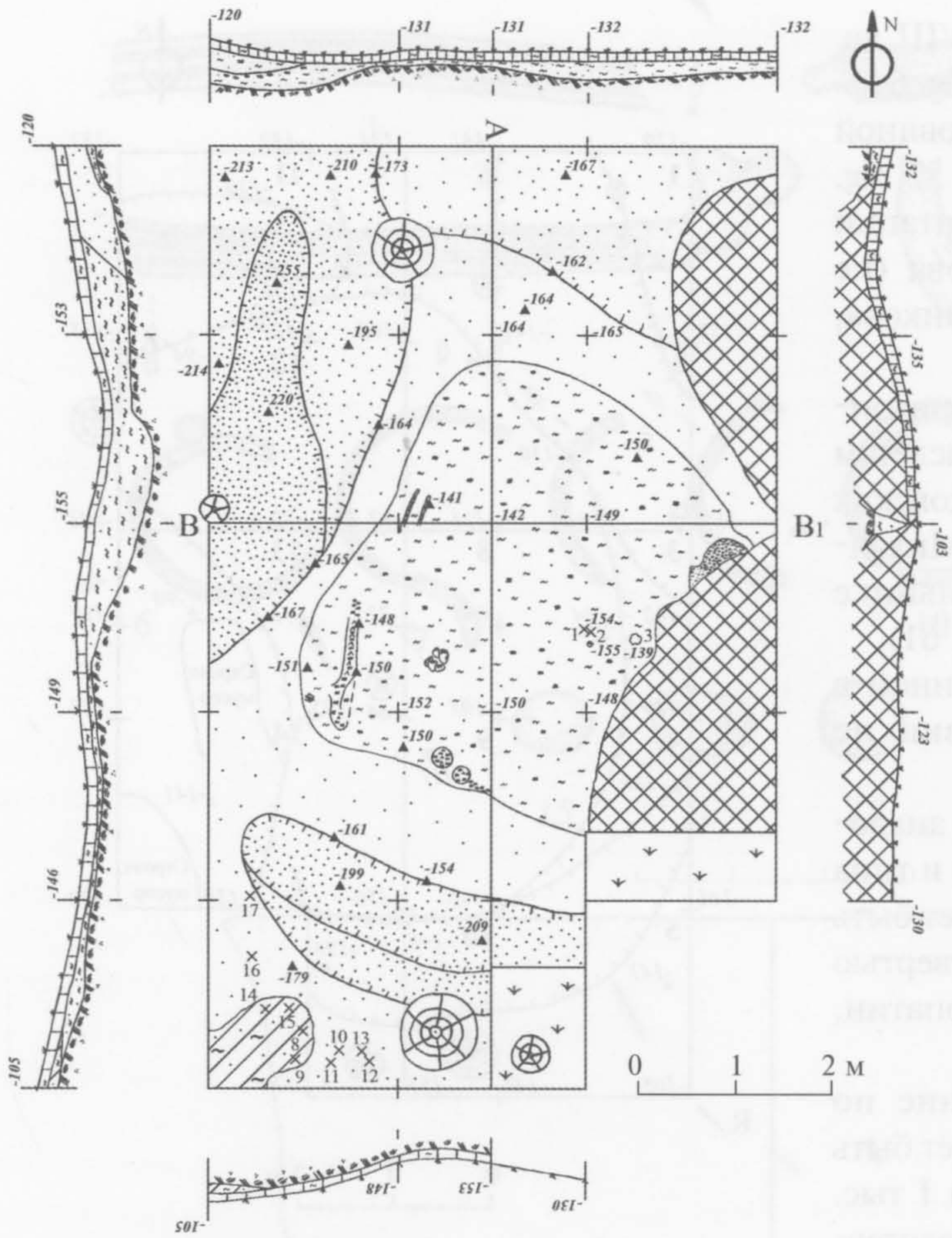


Рис. 14. Курганный могильник Погоща. Раскоп III, курган 8 (2006 г.). План материковой поверхности (номера 1–3 на плане – находки трапециевидная подвеска, би-S-видный цепедержатель и лепной горшок).

шириной 1–1,6 м и глубиной 0,2–0,3 м. С западной и северной сторон заметны перемычки шириной 2 и 1,5 м соответственно (13 рис.).

Курган был покрыт дерном мощностью 0,1–0,14 м и состоял из желтого песка, в котором попадались отдельные угольки (15:1 рис.). В центральной части насыпи насыщенность песка угольками и пеплом увеличивалась – в профиле север–юг даже могла быть выделена аморфная пепльно-угольная прослойка мощностью около 0,2 м на глубине 0,22 м от вершины насыпи. Основание кургана покрывала пепльно-угольная прослойка мощностью 0,1–0,12 м. Первоначальную форму этой прослойки, также как и форму основания кургана, определить трудно. Дело в том, что северо-западная часть насыпи была уничтожена еще в древности, в период функционирования могильника, при возведении кургана 6 (во время рытья его ровиков). В свою очередь, восточная и юго-восточная части насыпи полностью уничтожены современными ямами с костями животных (квадраты 11–12) и строительным мусором (квадраты 13–14). Поэтому можно определить только первоначальный размер основания кургана по линии север-юг, который составляет 6,4 м. Установить размер основания по линии запад-восток невозможно. Однако, судя по сохранившимся очертаниям, первоначально курган имел овальную форму и был удлинен по линии северо-запад-юго-восток.

Пепельно-угольная прослойка на основании кургана имеет размер 4,5 м с севера на юг на 4,6 м с запада на восток (14 рис.), где она уничтожена современной ямой со строительным мусором (квадраты 13-14). В западной и юго-западной части прослойки прослежены остатки обожженных бревен или досок шириной 0,04–0,16 м и столбов диаметром 0,18–0,22 м, которые, возможно, образовывали некую конструкцию. Вероятно, внутри этой конструкции, поблизости от ее угла, размещалась выкладка из шести камней размером 0,06х0,12 м (квадрат 8 (15:3 рис.). В пепельно-угольной прослойке выявлены:

– бронзовая трапециевидная подвеска, украшенная циркульным орнаментом в центре и вертикальными черточками вдоль

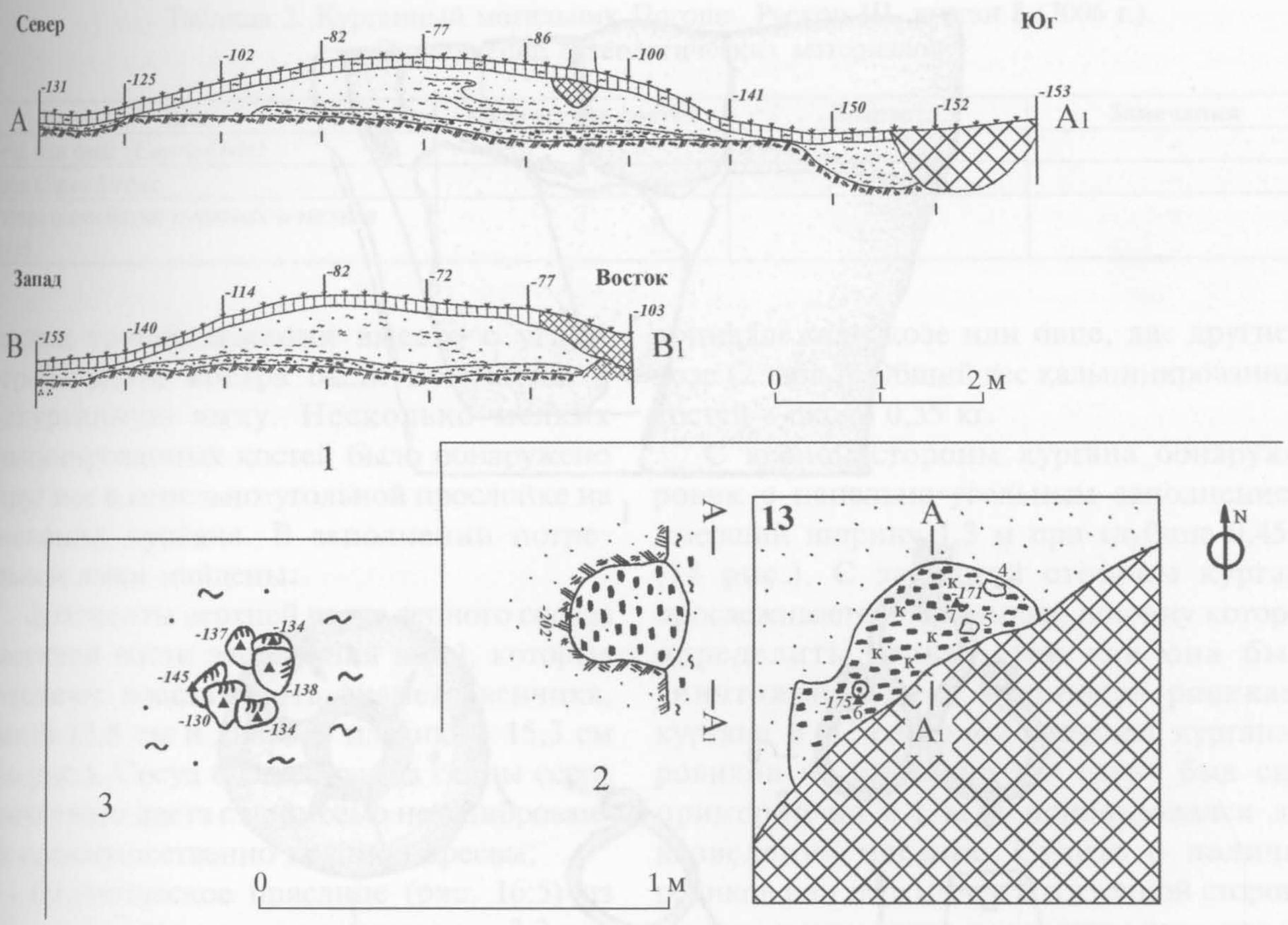


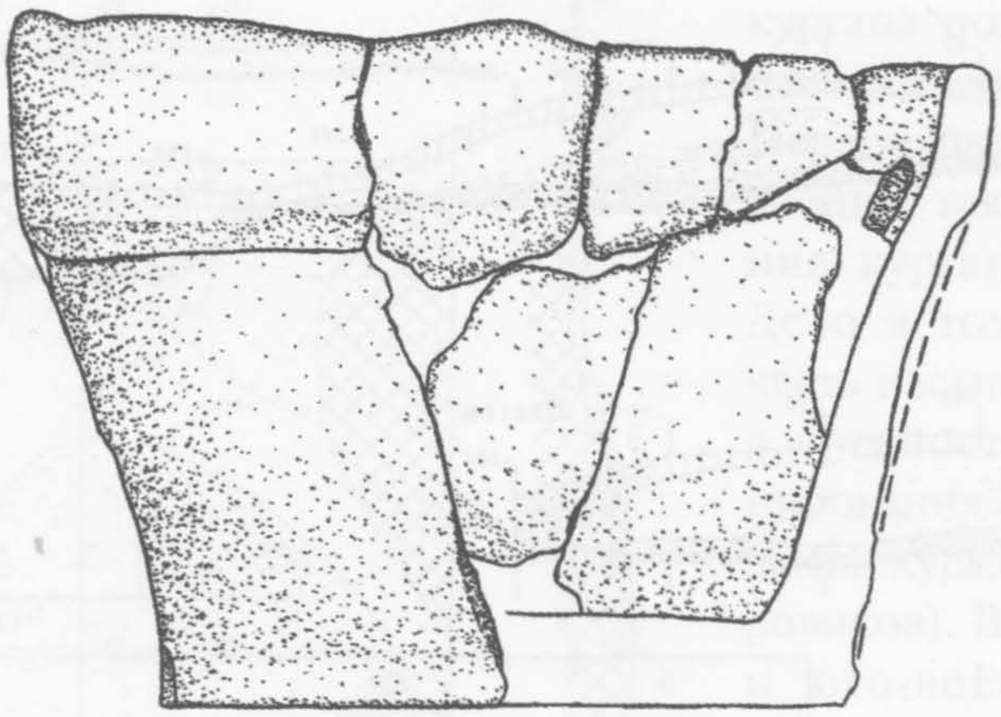
Рис. 15. Курганный могильник Погоща. Раскоп III, курган 8 (2006 г.): 1 – профили кургана, 2 – план и профиль погребальной ямы (4–5 – фрагменты венчика лепного сосуда, 6 – биконическое пряслице, 7 – височное кольцо с S-видным завитком), 3 – каменная выкладка в пепельно-угольном слое на основании кургана).

нижнего края. Высота подвески – 4 см, ширина в нижней части – 2 см (16:3 рис.);

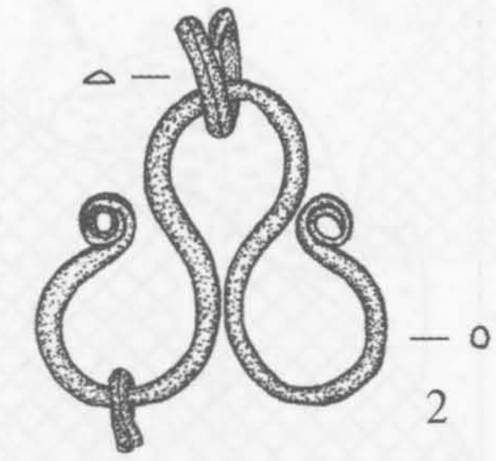
– бронзовый би-S-видный цепедержатель высотой 3 см и шириной 3,3 см, на котором сохранилось два кольца, сделанных из трехгранной в сечении проволоки (рис. 16:2). Первое из них (в верхней части цепедержателя) было необходимо для его крепления, в то время как второе, размещенное в одном из S-видных завитков, предназначалось для крепления трапециевидных подвесок;

– развал лепного сосуда (16:1 рис.), который размещался на пепельно-угольной прослойке вверх дном. Сосуд сделан из глины коричневого цвета с примесью некалиброванной дресвы. Его высота – 6,5 см, диаметр дна – 6,7 см, диаметр слегка загнутого внутрь венчика с круглым краем – 9,1 см. Под венчиком имеется просверленное отверстие. К донышку сосуда, с внутренней стороны, припекся уголек.

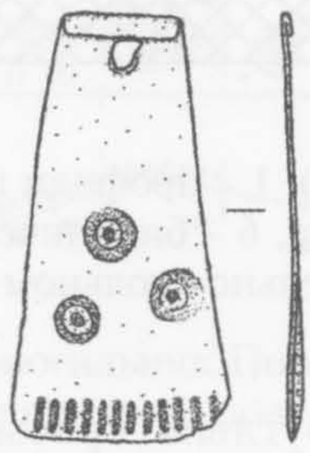
В квадрате 13 вблизи от северо-восточной границы пепельно-угольной прослойки в материковой ямке выявлено погребение по обряду трупосожжения (15:2 рис.). Юго-восточная часть погребения полностью уничтожена современным перекопом со строительным мусором. Поэтому первоначальный вид погребальной ямки может быть определен только гипотетически. Вероятно, она была округлая в плане, диаметром приблизительно 0,5–0,6 м и глубиной около 0,3 м. Погребение было совершено по обряду кремации за пределами кургана, после чего



1

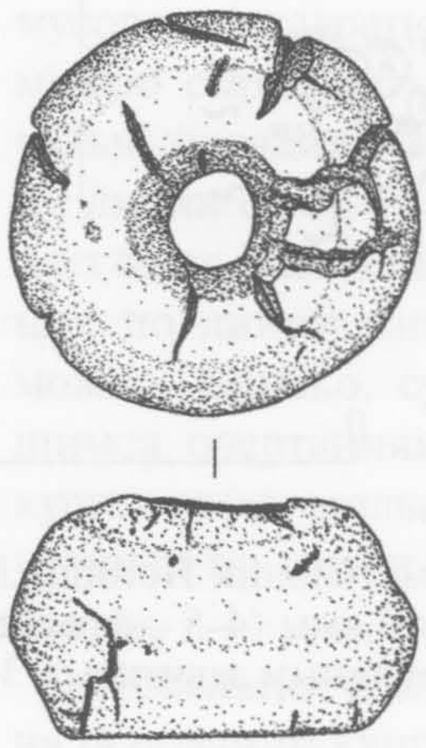


2

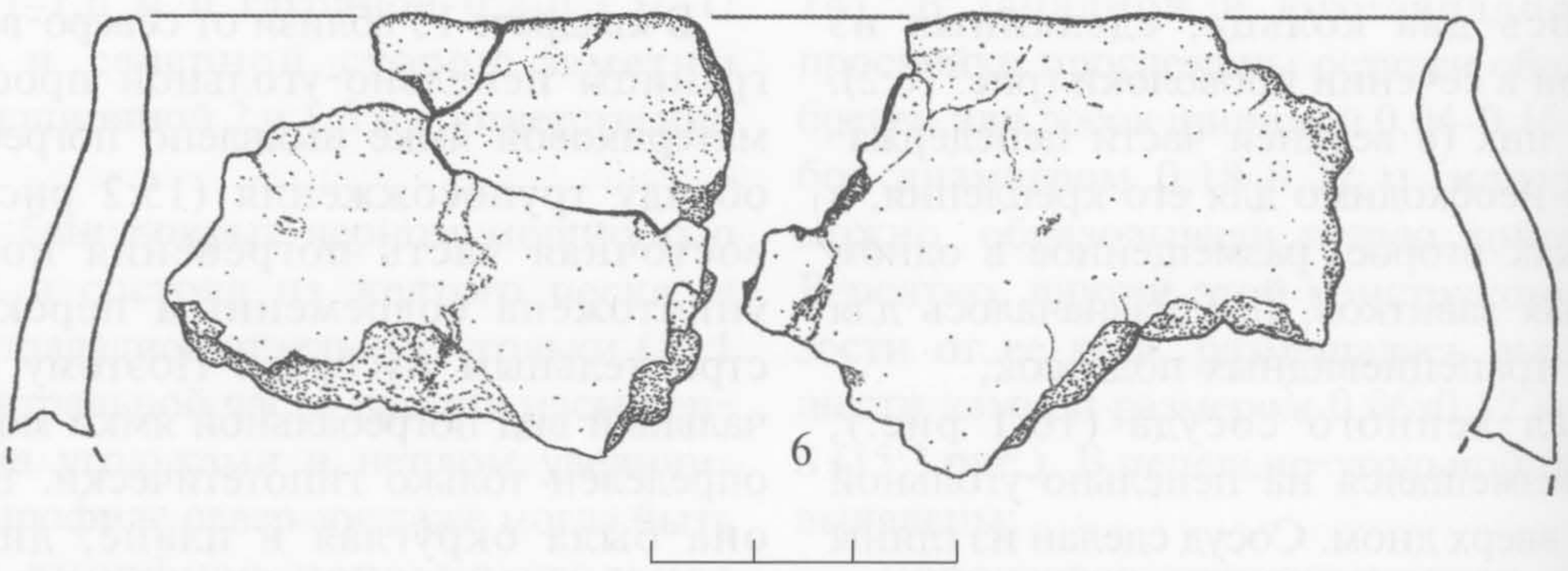


3

4



5



6

Рис. 16. Курганный могильник Погоща. Раскоп III, курган 8 (2006 г.). Погребальный инвентарь: 1 - лепной горшок. 2 – би-S-видный цепедержатель, 3 – трапециевидная подвеска, 4 – височное кольцо с S-видным завитком, 5 – биконическое пряслице, 6 – верхняя часть лепного сосуда.

Таблица 2. Курганный могильник Погоща. Раскоп III, курган 8 (2006 г.). Определение остеологических материалов

Вид	Количество костей	Возраст	Замечания
Коза или овца *(Capra-Ovis)*	2	–	–
Коза *Capra hircus*	2	–	–
Птицы (семейство куриных и мелкая утка)	7	–	–

остатки трупосожжения вместе с углем погребального костра были помещены в подкурганную ямку. Несколько мелких кальцинированных костей было обнаружено вокруг нее в пепельно-угольной прослойке на основании кургана. В заполнении погребальной ямки найдены:

– фрагменты верхней части лепного сосуда (в верхней части заполнения ямы), которые позволяют восстановить диаметр венчика, равный 13,8 см и диаметр плечика – 15,3 см (16:6 рис.). Сосуд был сделан из глины серо-коричневого цвета с примесью некалиброванной преимущественно крупной дресвы;

– биконическое пряслице (рис. 16:5) из глины коричневого цвета (высота – 2,3 см, диаметр – 3,9 см, диаметр отверстия – 0,85 см), покрытое многочисленными трещинами со следами вторичного обжига;

– перстнеобразное височное кольцо с S-видным завитком (диаметр – 1,9х2,2 см), сделанное из круглой в сечении проволоки из свинцово-оловянистого сплава (16:4 рис.) со следами вторичного обжига.

Вероятно, инвентарь погребения первоначально был более богатым, однако какая-то его часть могла быть потеряна в результате повреждения погребальной ямы современным перекопом со строительным мусором.

Кроме остатков трупосожжения девочки-подростка (13–16 лет), в погребальной яме находились кальцинированные кости двух особей птиц (одна из семейства куриных и одна мелкая утка), а также домашних млекопитающих (две из них принадлежали козе или овце, две другие – козе (2 табл.)[6] .Общий вес кальцинированных костей – около 0,55 кг.

С южной стороны кургана обнаружен ровик с пепельно-угольным заполнением, имевший ширину 1,3 м при глубине 0,45 м (14 рис.). С западной стороны кургана прослеживается перемычка, ширину которой определить нельзя, так как она была уничтожена еще в древности ровиками кургана 6. С северной стороны кургана 8 ровиков не было, но тут грунт был снят примерно на 0,1 м и использовался для возведения насыпи. Судить о наличии ровиков или перемычек с восточной стороны кургана невозможно по причине того, что эта часть раскопа повреждена современными перекопами.

Реконструкция погребального обряда в кургане 8 может выглядеть следующим образом. Вероятно, первоначально в основании кургана была выкопана материковая ямка, куда были помещены остатки трупосожжения, произведенного на стороне. После этого на площадке, предназначенной под курган, было подготовлено кострище и возведена конструкция из бревен или досок и столбов с каменной выкладкой в юго-западном углу. После сожжения костра на площадке основания производились какие-то ритуальные действия, следами которых являются находки горшка и украшений в пепельно-угольном слое. По завершении этих действий из грунта, взятого в ровике (ровиках ?) и подрезке склонов, была

[6] Определение А.А. Разлуцкой.

возведена насыпь. При этом предложенная реконструкция может быть неполной, по причине сильной поврежденности насыпи и прилегающей к ней территории.

Найденная на основании кургана трапециевидная подвеска (16:3 рис.) находит многочисленные аналогии в памятниках КСПДК (наиболее близкие подвески – Пнёва Слобода, курган 1, погребение 1; Арефино, курган 1; Лопино, курган 4; Сосенка, курган 15 (Енуков, 1990, рис. 15:21, 22; Нефёдов, 2000, рис. 1:15; Звяруга, 2005, мал. 86:9; Шмидт, 2005, рис. 27:7) и на Центральном городище в Гнёздово (Ениосова, 2001, рис. 2:1). Датировка трапециевидных подвесок определяется в рамках существования КСПДК – второй половиной VIII – концом X/началом XI в. (Енуков, 1990, 178; Гавритухин, 1997, 47; Нефёдов, 2000, 196; Ениосова, 2001, 211–212).

Би-S-видные цепедержатели (16:2 рис.) известны в Нижнем Подвинье с VII в. (Spirģis, 2005, att. 3). Они широко распространены у носителей КСПДК (тип 1 по В.В. Енукову (Енуков, 1990, с. 59), латгалов (Radiņš, 1999, att. 40, 41, 53:1), у которых они продолжали использоваться до XVI в. (Berga, 2007, att. 20, 22).

Найденный в пепельном слое сосуд находит аналогии в керамическом комплексе КСПДК (Енуков, 1990, рис. 30:15, 31:10; Дучыц, 1994, рыс. 3).

Фрагменты второго лепного сосуда, найденного в заполнении погребальной ямы, принадлежат к числу горшков с «плечиком» и отогнутым наружу венчиком, типичных для КСПДК (Енуков, 1990, рис. 30–31, 40). В Белорусском Подвинье керамика этого типа использовалась до начала XI в. (Плавінскі, Плавінскі, 2003а, 194–195).

Перстнеобразные височные кольца с S-образным завитком не являются этноопредляющими (Пушкина, 1987, 52). Кольцо из кургана 8 могильника Погоща находит себе аналогии в погребальном инвентаре кривичских курганов с погребениями по обряду ингумации Белорусского Подвинья и Понеманья конца X–XI в. (Штыхау, 1992, 149, 152, мал. 3; 59:14, 16; 60:11; Заяц, 1995, 47, 52–53, мал. 45:6). В Гнёздово перстнеобразные височные кольца с S-образными завитками появляются не ранее середины X в. (Пушкина, 1987, 53). Подобные кольца встречаются и в других регионах ареала расселения кривичей (Успенская, 1993, 91, рис. 14).

Узкое датирование пряслица невозможно.

На основании погребального инвентаря курган 8 может быть отнесен к финальному этапу существования КСПДК в Белорусском Подвинье и датирован второй половиной X – началом XI в.

В квадрате 5 Раскопа III, за пределами южного ровика кургана 8, выявлена аморфная прослойка слабогумусированного песка светло-серого цвета с включениями пепла и отдельных угольков мощностью 0,1–0,12 м (14 рис.), аналогичная прослойке в Раскопе II. В этой прослойке и в непосредственной близости от нее найдены мелкие фрагменты керамики бронзового века (22:1–3 рис.).

Раскоп IV был заложен с целью исследования ***кургана 10*** и был прирезан к Раскопу II с запада (17 рис.). Площадь Раскопа IV составила 136 кв.м. При этом отдельные участки квадратов 13, 14, 18, 24, 27, 32, 33 остались не раскопанными из-за деревьев. Поэтому общая площадь раскопа, исследованная до материка, составила около 126 кв.м (18 рис.).

Несколько удлиненная с северо-запада на юго-восток насыпь размером 10,8x8,8 м и высотой около 1,5 м снаружи не имела следов заметных повреждений. Она была окружена ровиком шириной 2,2 м при глубине 0,1–0,5 м (17 рис.).

Курган, состоявший из желтого песка с отдельными угольками, был покрыт слоем дерна мощностью 0,1–0,15 м (рис. 19:1). В его юго-западной части выявлен перекоп (прослежен в южном и западном профилях), не

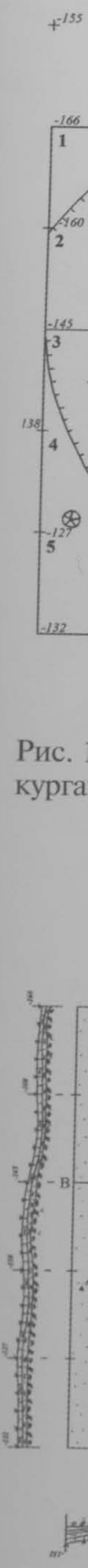


Рис.
курга

Рис. 1
IV, ку
поверх

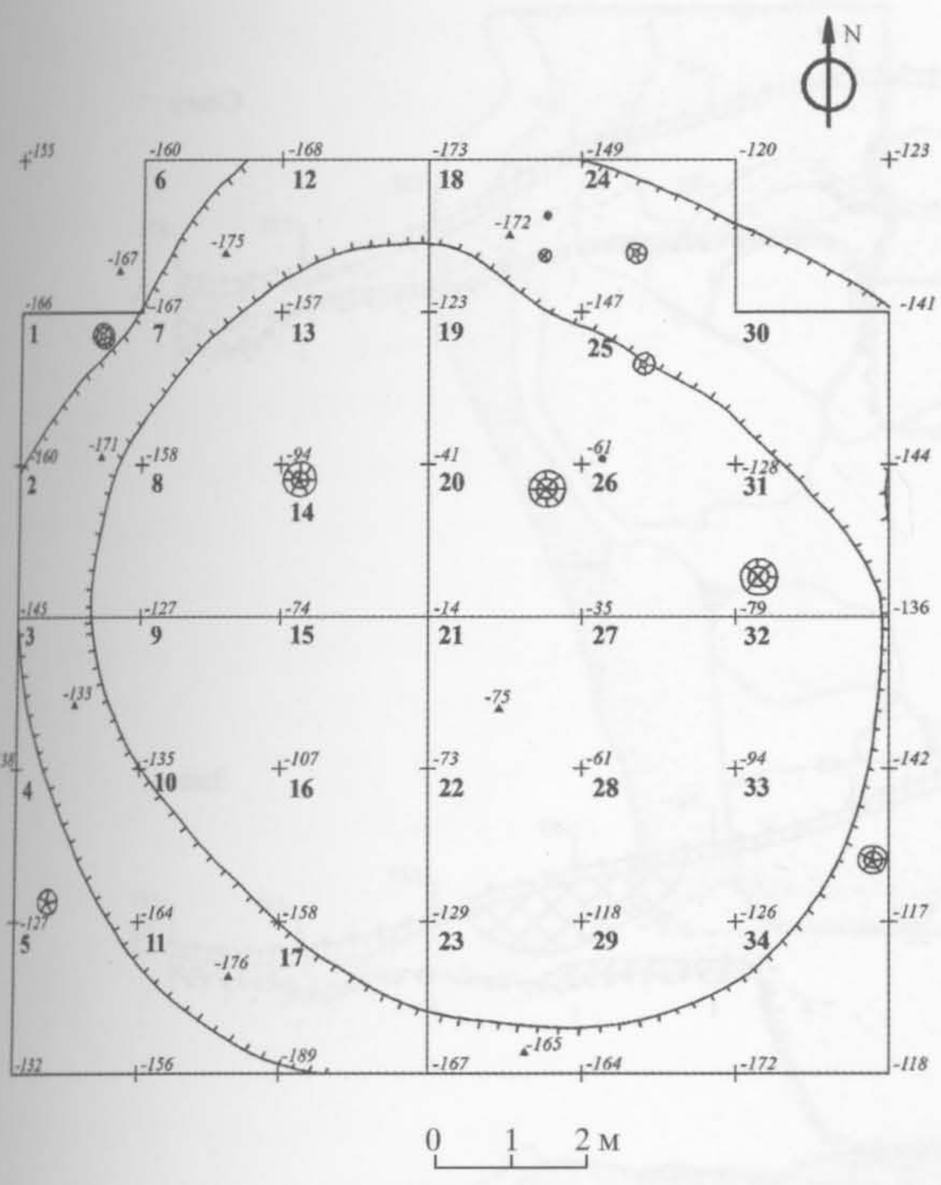


Рис. 17. Курганный могильник Погощa. Раскоп IV, курган 10 (2006 г.). План дневной поверхности.

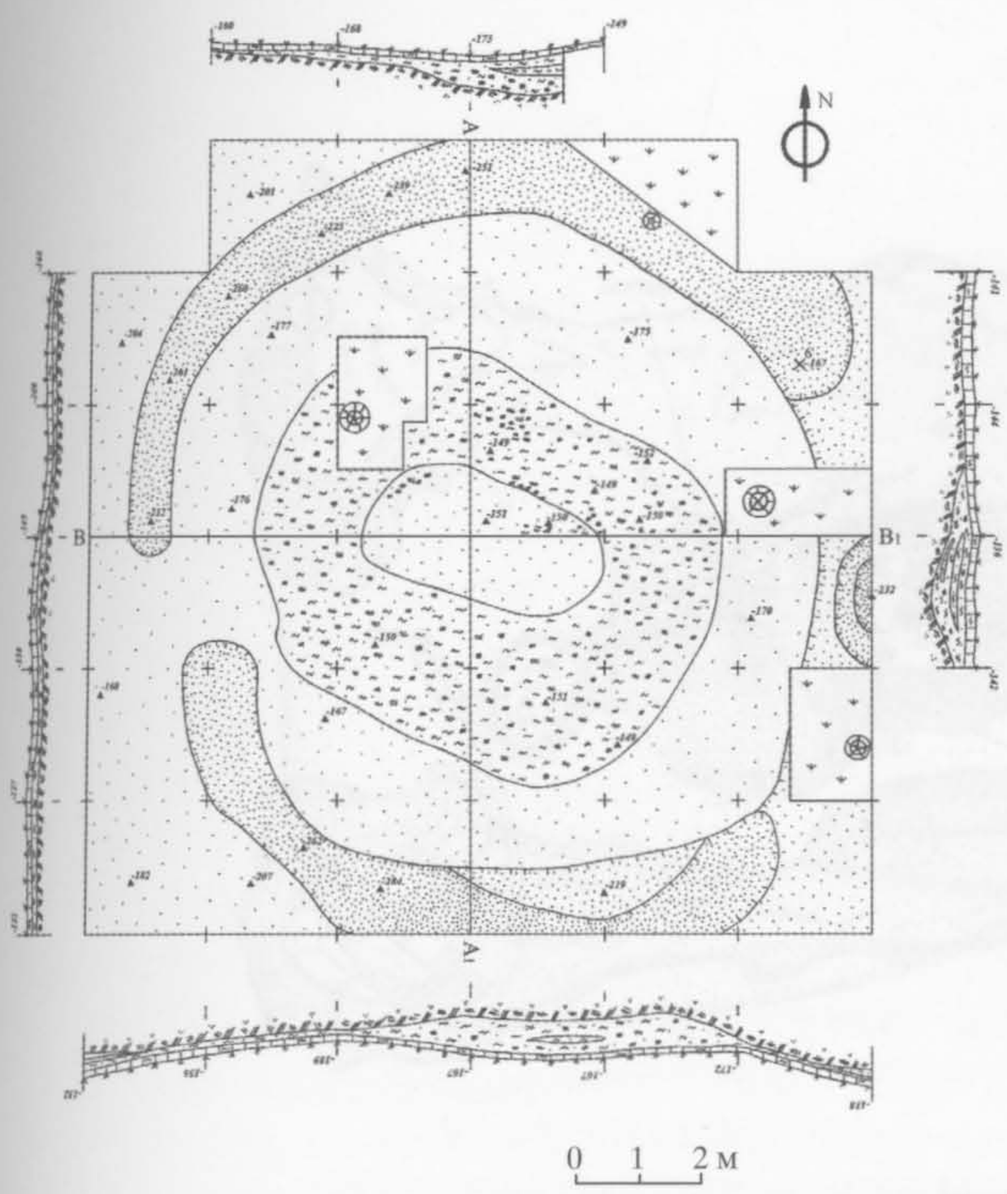


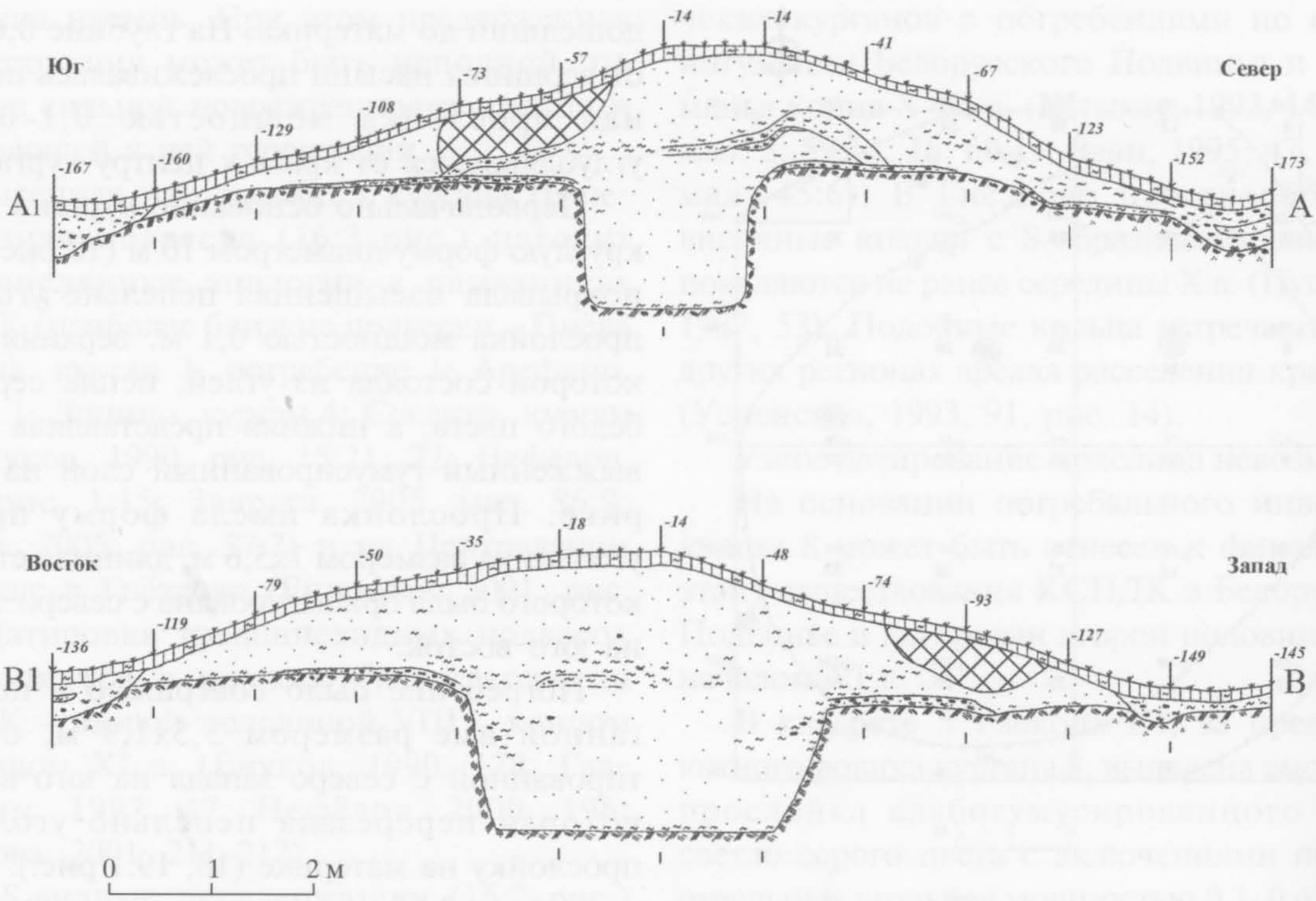
Рис. 18. Курганный могильник Погощa. Раскоп IV, курган 10 (2006 г.). План материковой поверхности.

дошедший до материка. На глубине 0,65–1 м от вершины насыпи прослеживалась пепельная прослойка мощностью 0,1–0,2 м, углублявшаяся от краев к центру кургана.

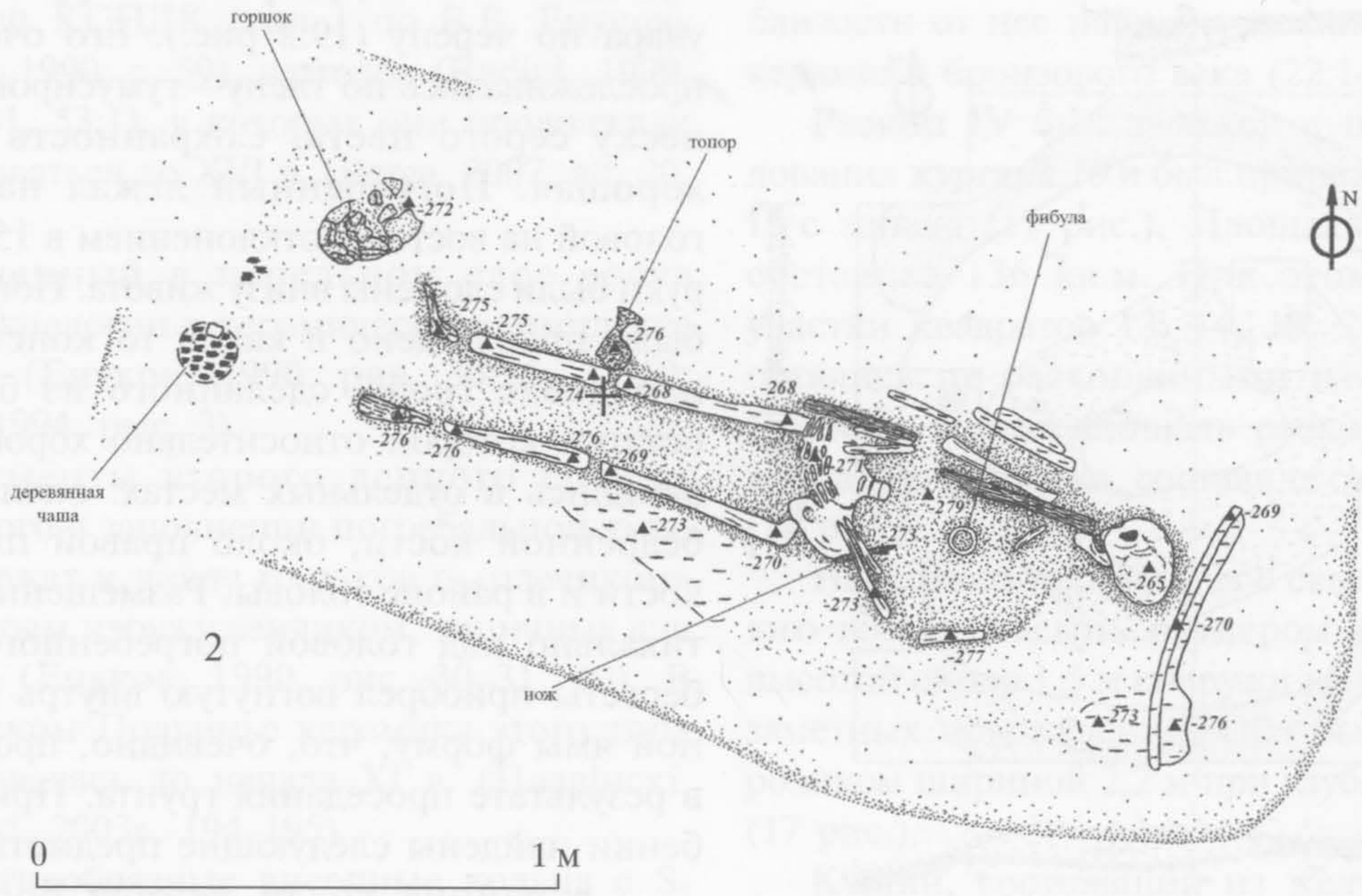
Первоначально основание кургана имело круглую форму диаметром 10 м (18 рис.). Его покрывала насыщенная пепельно-угольная прослойка мощностью 0,1 м, верхняя часть которой состояла из углей, пепла серого и белого цвета, а нижняя представляла собой выжженный гумусированный слой на материке. Прослойка имела форму прямоугольника размером 7х5,6 м, длинная сторона которого была ориентирована с северо-запада на юго-восток.

Погребение было совершено в подкурганной яме размером 3,5х1,9 м, ориентированной с северо-запада на юго-восток, которая перерезала пепельно-угольную прослойку на материке (18, 19:1 рис.). В ней на глубине 2,65 м от вершины насыпи и 1,2 м от уровня материка выявлено погребение мужчины 49–51 г., умершего от рубящего (?) удара по черепу (19:2 рис.). Его очертания прослеживались по тлену – гумусированному песку серого цвета. Сохранность костей хорошая. Погребенный лежал на спине головой на восток с отклонением в 15° к югу, руки были сложены внизу живота. Погребение было произведено в какой-то конструкции наподобие гроба, сделанного из бересты, остатки которой относительно хорошо сохранились в отдельных местах: около левой бедренной кости, около правой плечевой кости и в районе головы. Размещенный вертикально над головой погребенного кусок бересты приобрел вогнутую внутрь могильной ямы форму, что, очевидно, произошло в результате проседания грунта. При погребении найдены следующие предметы:

– в районе груди лежала бронзовая подковообразная спиралеконечная фибула с остатками ткани под ней (20:4 рис.). Ее диаметр – 5,4 см. Фибула была сделана из трехгранной в сечении проволоки. Дужка покрыта орна-



1



2

Рис. 19. Курганный могильник Погоща. Раскоп IV, курган 10 (2006 г.): 1 – профили кургана, 2 – план погребения в подкурганной яме.

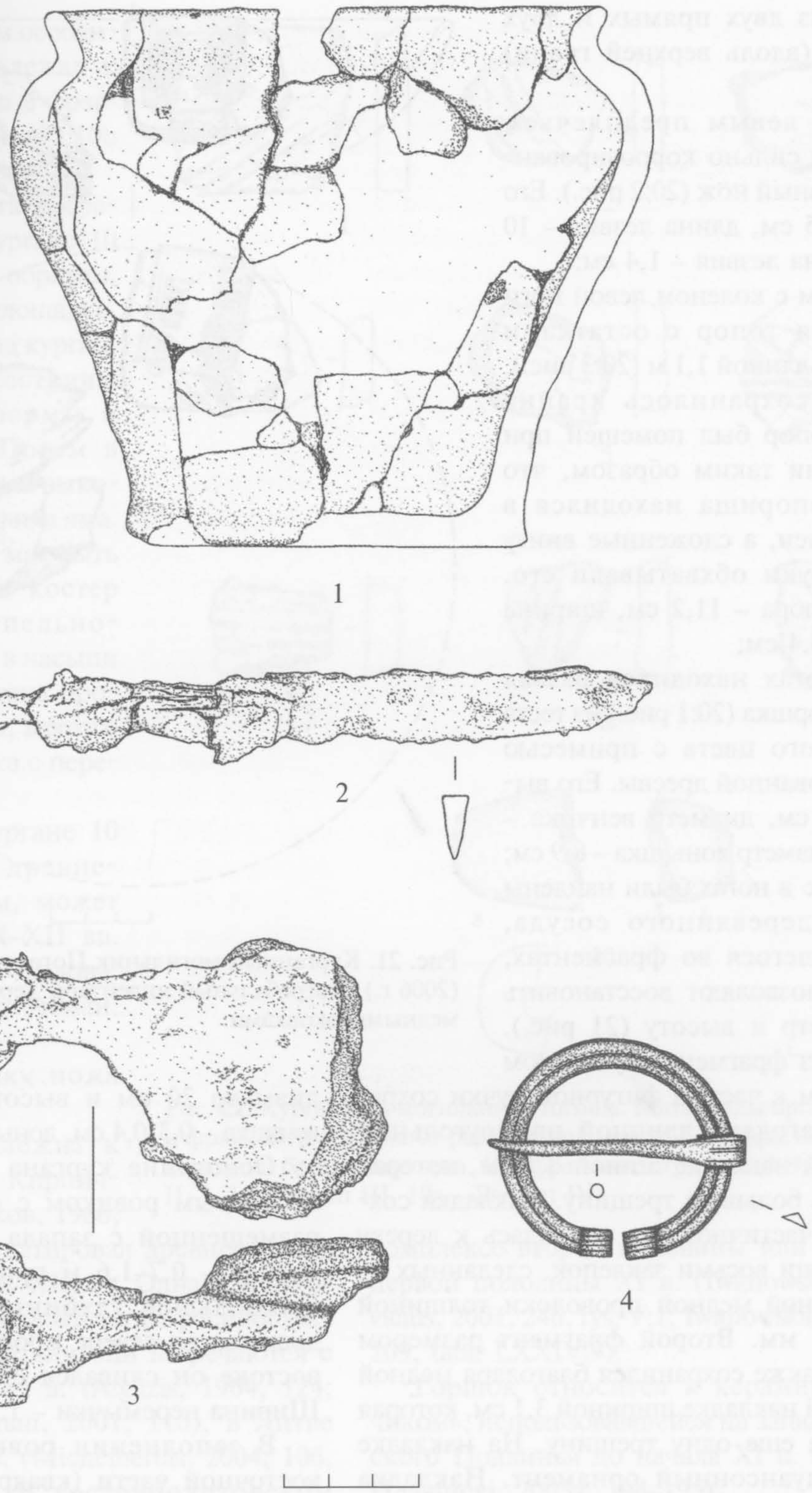


Рис. 20. Курганный могильник Погоща. Раскоп IV, курган 10 (2006 г.). Погребальный инвентарь: 1 – лепной горшок, 2 – нож, 3 – топор, 4 – фибула.

ментом из двух прямых и двух ломаных (вдоль верхней грани) линий;

– под левым предплечьем находился сильно коррозированный железный нож (20:2 рис.). Его длина 15,5 см, длина лезвия – 10 см, ширина лезвия – 1,4 см;

– рядом с коленом левой ноги находился топор с остатками топорища длиной 1,1 м (20:3 рис.), которое сохранилось крайне плохо. Топор был помещен при погребении таким образом, что конец топорища находился в области шеи, а сложенные внизу живота руки обхватывали его. Длина топора – 11,2 см, ширина лезвия – 5,4 см;

– в ногах находился развал лепного горшка (20:1 рис.) из теста коричневого цвета с примесью некалиброванной дресвы. Его высота 12,5 см, диаметр венчика – 12,7 см, диаметр донышка – 8,9 см;

– также в ногах были найдены остатки деревянного сосуда, сохранившегося во фрагментах, которые позволяют восстановить его диаметр и высоту (21 рис.). Первый из фрагментов размером 11,4x7,6 см с частью фигурной ручки сохранился благодаря длинной прямоугольной ремонтной накладке шиной 2,1 см, которая закрывала большую трещину. Накладка сохранилась частично, она крепилась к дереву при помощи восьми заклепок, сделанных из расклепанной медной проволоки толщиной около 1,5 мм. Второй фрагмент размером 5,3x5 см также сохранился благодаря медной ремонтной накладке шириной 3,1 см, которая накрывала еще одну трещину. На накладке заметен пуансонный орнамент. Накладка была прикреплена к дереву при помощи пяти заклепок из медной проволоки. Сосуд имел диаметр 20 см и высоту 5,5 см. Толщина венчика – 0,3–0,4 см, донышка – 0,8 см.

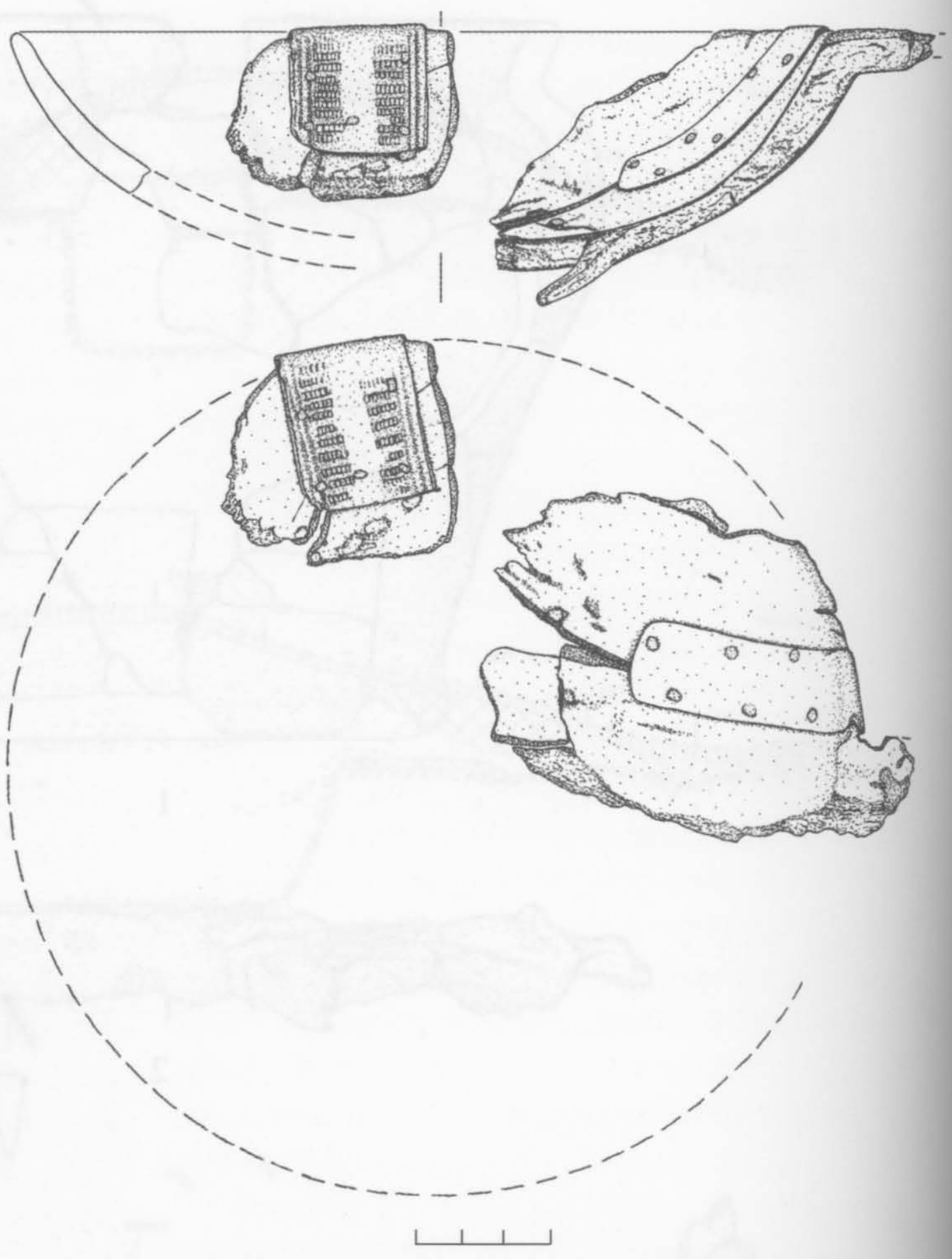


Рис. 21. Курганный могильник Погоща. Раскоп IV, курган 10 (2006 г.). Погребальный инвентарь: деревянная резная чаша с медными оковками.

Основание кургана 10 было окружено кольцевым ровиком с одной перемычкой, размещенной с запада (18 рис.). Ширина ровика – 0,7–1,6 м при глубине 0,4–1,2 м. Наибольшей глубины и ширины ровик достигал на севере и юге, в то время как на востоке он сливался с ровиком кургана 9. Ширина перемычки – 1,5 м.

В заполнении ровика, в его северо-восточной части (квадрат 30), был найден фрагмент сделанного из коричневой глины грузила от рыболовной сети (22:10а рис.). Судя

по морфологическим особенностям, он принадлежал к тому же грузилу, что и фрагмент из раскопа II (22:10b рис.).

Реконструировать погребальный обряд в кургане 10 можно следующим образом. Первоначально на площадке, предназначенной под курган, было разложено кострище прямоугольной формы и разведен костер. Потом в центре площадки была выкопана большая могильная яма. После ее засыпания мог быть разведен еще один костер (насыщенная пепельно-угольная прослойка в насыпи (?). Возведение кургана производилось из песка, взятого из кольцевого ровика с перемычкой на западе.

Найденная в кургане 10 фибула, судя по древнерусским аналогиям, может быть датирована X–XII вв. (Мальм, 1967, 153; Седова, 1981, 86, рис. 32:6; Лесман, 1990, 75).

Узкую датировку ножа определить трудно.

Топор принадлежит к типу IVA, по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1966, 37). Исследователь датировал древнерусские топоры типа IVA XII–XIII вв. Однако в Юго-восточной Прибалтике этот тип распространяется раньше. В Латвии они встречаются с конца X – начала XI в. (Atgāzis, 1964, 124; 1997, att. 5; Радиньш, 2001, 110), в Литве известны уже в X в. (Michelbertas, 2004, 106, 109, pav. 65, 71). В восточнолитовском курганном могильнике Жвирбляй аналогичный топор найден в погребальном комплексе второй половины или конца X – первой половины XI в. (Iwanowska, Kazakevičius, 2001, 246, rys. V:1; Iwanowska, 2006, 108–109, tabl. LXXIV:9).

Горшок относится к керамике «с плечиком», использовавшейся на западе Белорусского Подвинья до начала XI в. (Плавінскі, Плавінскі, 2003a, 194–195).

Накладка с орнаментом была сделана из обоймы ленточного венка-вайнаги (Radiņš,

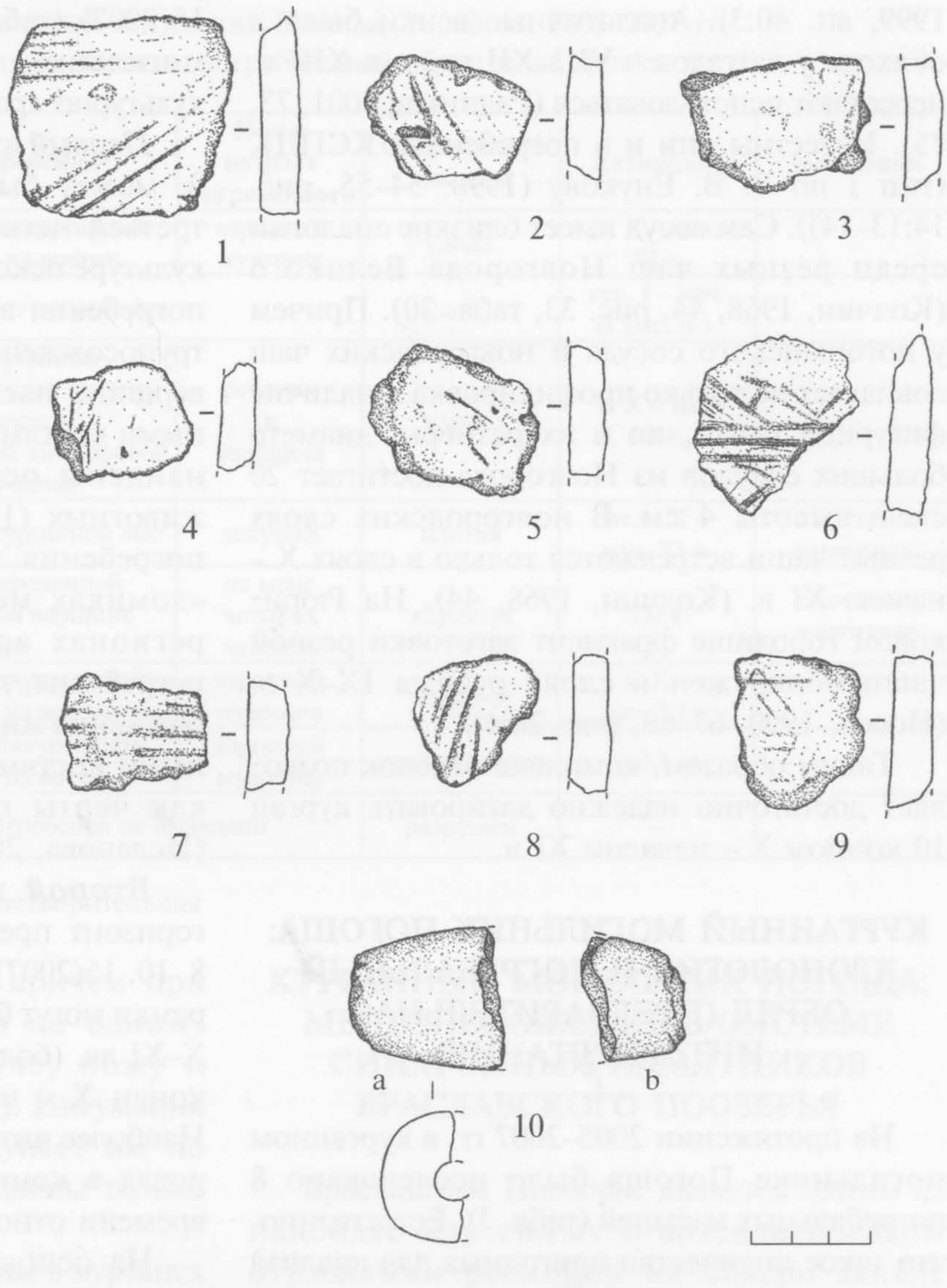


Рис. 22. Курганный могильник Погоща. Материалы бронзового века и фрагменты грузила от рыболовной сетки: 1–9 – фрагменты лепной керамики бронзового века, 10 – фрагменты грузила (4–9, 10b – Раскоп II, 1–3 – Раскоп III, 10a – Раскоп IV).

1999, att. 40:3). Аналогичные венки были в обиходе у латгалов в VIII–XII вв., а в XIII в. перестают использоваться (Радиньш, 2001, 73, 75). Известны они и в погребениях КСПДК (тип 1 по В. В. Енукову (1990, 54–55, рис. 14:13–14)). Сам сосуд имеет близкие аналогии среди резных чаш Новгорода Великого (Колчин, 1968, 44, рис. 33, табл. 30). Причем у погощанского сосуда и новгородских чаш совпадает не только профилировка и наличие фигурной ручки, но и их размеры: диаметр больших сосудов из Новгорода достигает 20 см и высоты 4 см. В новгородских слоях резные чаши встречаются только в слоях X – начала XI в. (Колчин, 1968, 44). На Рюриковом городище фрагмент заготовки резной чаши обнаружен в слоях рубежа IX–X в. (Носов, 1990, 67–68, рис. 26:4).

Таким образом, комплекс находок позволяет достаточно надежно датировать курган 10 концом X – началом XI в.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ПОГОЩА: ХРОНОЛОГИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)

На протяжении 2005–2007 гг. в курганном могильнике Погоща было исследовано 8 погребальных насыпей (табл. 3). Естественно, что такое количество пригодных для анализа курганов не позволяет делать категоричные выводы о хронологии и культурной интерпретации некрополя. Однако определенные предварительные суждения высказать следует.

В практически полностью разрушенном кургане 16 (расскопки 2007 г.) следов погребения выявлено не было, что не позволяет датировать эту насыпь. Курган 2 может быть датирован только крайне широко – серединой I – началом II тыс. н.э., что не позволяет использовать его в каких-либо хронологических построениях.

Более-менее узкая датировка может быть определена для курганов 1, 7(2007), 8, 9, 10, 15(2007) (табл. 3). Погребальные комплексы могильника Погоща разделяются на два культурно-хронологических горизонта.

Первый из них, представленный курганом 9, может быть предварительно датирован третьей четвертью I тыс. н.э. и отнесен к культуре псковских длинных курганов. Обряд погребения в кургане – помещение остатков трупосожжения в деревянной конструкции на вершине насыпи. Вместе с кальцинированными костями не менее чем четырех человек найдены остатки сожжения нескольких животных (1 табл.). Следует отметить, что погребения в деревянных конструкциях - «домиках мертвых» известны и в других регионах ареала КПДК. Коллективные погребения, так же, как и помещение остатков сожжения животных вместе с кальцинированными костями людей, можно рассматривать как черты погребального обряда КПДК (Исланова, 2006, 48–50).

Второй культурно-хронологический горизонт представлен курганами 1, 7(2007), 8, 10, 15(2007). Его широкие хронологические рамки могут быть предварительно определены X–XI вв. (более вероятно – вторая половина/конец X – начало/первая половина XI в.). Наиболее интенсивно могильник функционировал в конце X – начале XI в. – к этому времени относятся курганы 1, 7(2007), 8, 10.

На основании всего пяти раскопанных насыпей преждевременно делать определенные выводы о погребальных традициях погощанского коллектива второго культурно-хронологического горизонта. Вместе с тем следует отметить единообразие обряда мужских погребений в курганах 1, 10, 15(2007). Все три исследованные погребения совершены в подкурганных ямах, перерезавших пепельно-угольный слой на материке (6:2, 19:2 рис.). Обращенные головами на восток покойники были помещены в берестяные конструкции наподобие гробов. Мужские ингумации различаются только по богатству инвентаря. В курганах 1 и 10 найдено по 10 и

Таблица 3. Курганный могильник Погоща. Раскопки 2005–2007 гг. Исследованные насыпи: погребальный обряд и датировка

№ насыпи и год раскопок	Форма насыпи	Обряд погребения	Пол и возраст погребенного	Сохранность насыпи	Датировка	Замечания
1 (2005)	удл.	ингумация в подкурганной яме головой на восток	взрослый мужчина	удовл.	к. X – нач. XI в.	–
2 (2005)	овальная	без погребения		удовл.	сер. I – нач. II тыс. н.э.	–
7 (2007)	круглая	парная ингумация: 1) на пепельном слое головой на юго-восток 2) в подкурганной яме головой на северо-запад	ребенок и женщина	удовл.	к. X – нач. XI в.	–
8 (2006)	овальная	кремация в подкурганной яме	девушка	плохая	вт.п. X – нач. XI в.	с костями животных
9 (2006)	овальная	кремация в деревянной конструкции на вершине насыпи	не мене четырех человек	хорошая	VII в.	с костями животных
10 (2006)	круглая	ингумация в подкурганной яме головой на восток	взрослый мужчина	хорошая	к. X – нач. XI в.	–
15 (2007)	близкая к овальной	ингумация в подкурганной яме головой на восток	взрослый мужчина	крайне плохая	X–XI вв.	–
16 (2007)	?	следов погребения не выявлено		разрушен	–	–

удл. – удлиненная, удовл. – удовлетворительная

5 предметов соответственно, причем при обоих погребенных выявлено по одному предмету вооружения, фибуле, ножу и глиняному сосуду (7, 20, 21 рис.). Ингумация в кургане 15 значительно уступает им по богатству инвентаря – здесь найдены только фибула, поясное кольцо и нож.

Женские погребения выявлены в курганах 7(2007) и 8. Исследованное в кургане 8 женское захоронение в материковой ямке как по особенностям обряда, так и по характеру инвентаря, относится к финальному этапу существования КСПДК в Белорусском Подвинье. В кургане 7 открыта парная ингумация: 1) погребение ребенка, ориентированное головой на юго-восток на пепельно-угольном слое на материке, 2) богатое женское погребение в подкурганной яме, в гробу, ориентированное головой на северо-запад. При погребении обнаружены вплетенные в косы кривичские браслетообразные височные кольца, завязанные на два конца.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ПОГОЩА: МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ СИНХРОННЫХ ПАМЯТНИКОВ БРАСЛАВСКОГО ПООЗЕРЬЯ

Браславское Поозерье является одним из наиболее изученных в археологическом отношении регионов на северо-западе Беларуси. Первые целенаправленные научные раскопки были проведены здесь еще Ф.В. Покровским (Покровский, 1895; 1899, 23–33).

Вместе с тем, памятники ***третьей четверти I тыс. н.э.*** в Браславском Поозерье остаются мало изученными, особенно в сравнении с древностями железного века (Егорейченко, 2006) и древнерусского периода (Дучыц, 1991). Материалы третьей четверти I тыс. н.э. выявлены на нескольких городищах и расположенных рядом с ними селищах: Зазоны, Ратюнки, Тарилово, Прудники (23 рис.). К сожалению, результаты этих исследований опубликованы только частично, либо

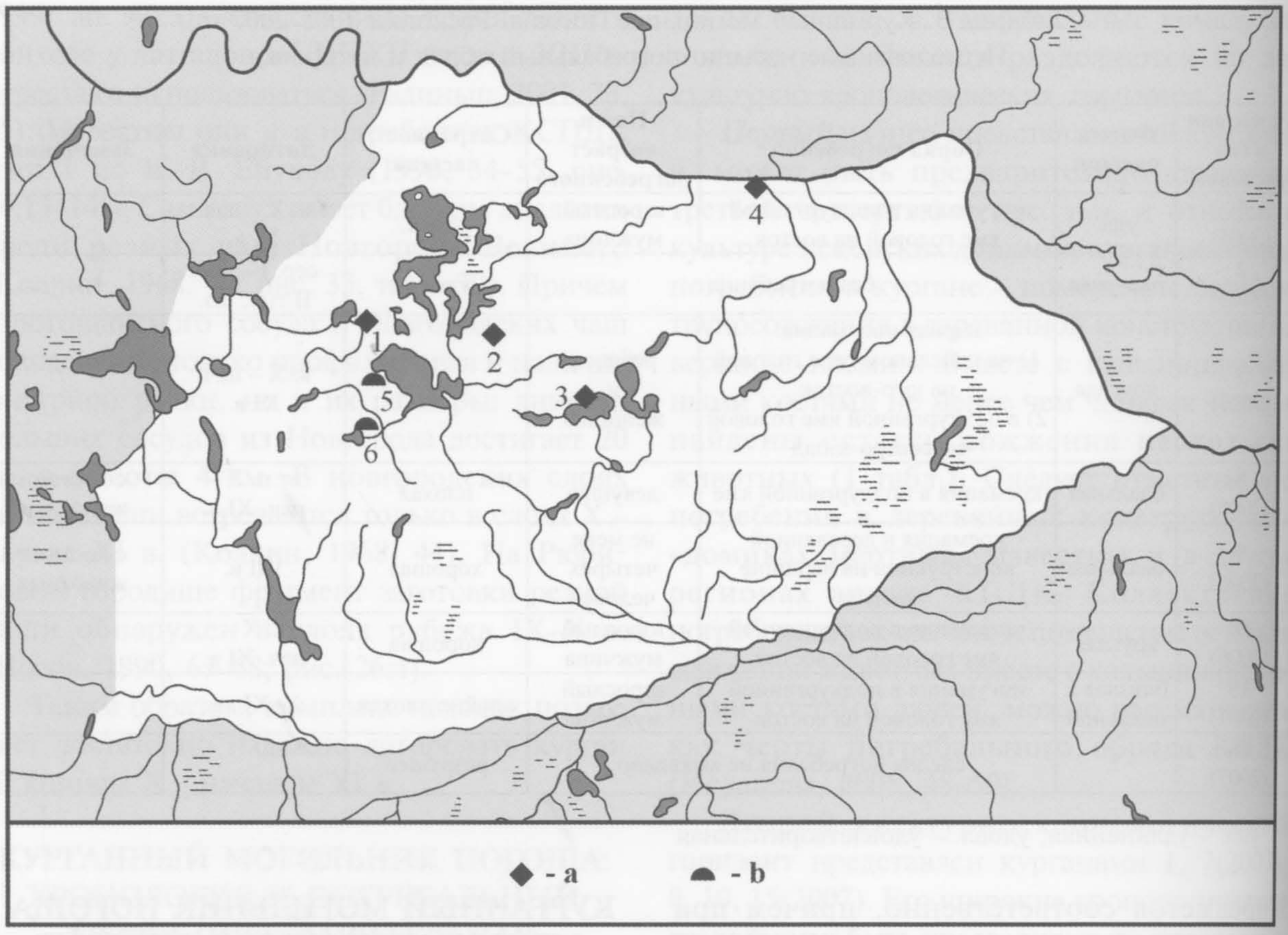


Рис. 23. Археологические памятники Браславского Поозерья третьей четверти I тыс. н.э.: 1 – Зазоны, 2 – Ратюнки, 3 – Тарилово, 4 – Прудники, 5 – Рацкий Бор, 6 – Погоща (a – поселение, b – курган).

пока остаются не введенными в научный оборот (Егорейченко, 1994, 21–22; Шадыра, 2001а, 98, мал. 2, 3; 2001б; 2006, табл. 16:I). Это сильно затрудняет изучение истории региона рассматриваемого периода.

По наблюдениям В. И. Шадыро, в культурных слоях второй половины I тыс. н.э. городищ и селищ Тарилово, Зазоны, Прудники присутствует гладкостенная и облитая керамика (Шадыра, 2001а, 98 мал. 1; 2001б, 272; 2006, 78–79, мал. 7). На этом основании В. И. Шадыро делает вывод о том, что в третьей четверти I тыс. н.э. Браславское Поозерье относилось к культурному кругу поселений с облитой керамикой. Это, по его мнению, объясняется проникновением в регион нового населения с запада (Шадыра, 2006, 75, 78–80, карта 6). При этом, исследователь отмечает наличие банцеровского культурного влияния и даже возможность чересполосного расселения носителей банцеровской культуры и обитателей поселений с облитой керамикой (Шадыра, 2001а, 98). Одновременно в ряде своих работ В.И. Шадыро отмечает наличие в рассматриваемом регионе погребальных памятников культуры ранних длинных курганов (Дучыц, Шадыра, 2004, 146).

Вопрос о наличии в Браславском Поозерье погребальных памятников третьей четверти I тыс. н.э. также остается открытым. Целый ряд исследователей высказывался в пользу их наличия (Дучыц, 1991, 12, 21; Штыхаў, 1992, 17; Шадыра, 2006, 103–104). Л. В. Дучыц датирует ранние курганы с трупосожжениями

VII–VIII вв., относит их к культуре длинных курганов и связывает их появление с первой волной славянского расселения в регионе (Дучыц, 1991, 12, 21). В. И. Шадыро в своей монографии отмечает, что на запад от линии озеро Освея – Дисна – Нача памятники КПДК отсутствуют, но в то же время он относит к таким памятникам курганы у деревень Бельмонты и Майшули (Рацкий Бор) Браславского района (Шадыра, 2006, 103–104). В совместной публикации материалов раскопок курганного могильника в Рацком Бору Л. В. Дучиц и В. И. Шадыро утверждают, что исследованный ими памятник относится к длиннокурганной традиции, и датируют его VII в. (Дучыц, Шадыра, 2004, 146).

Вместе с тем, реально в контексте рассмотрения древностей третьей четверти I тыс. н.э. в Браславском Поозерье можно говорить только о двух погребальных комплексах – кургане 6 (раскопки Ф. В. Покровского, 1893) и кургане 7 (раскопки Л. В. Дучиц и В. И. Шадыро, 1983 г.) в Рацком Бору (23 рис.).

Курган 6 (раскопки 1893 г.) имел размер 7,1х6 м при высоте около 0,9 м. С северо-западной и юго-восточной сторон кургана были заметны ровики. В центре насыпи на материке были выявлены остатки трупосожжения, среди которых находились бесформенные остатки оплавленных бронзовых украшений и лепной горшок «в форме котелка» высотой 7,5 см и диаметром 10х12 см. Второе погребение по обряду трупосожжения было открыто в восточном углу насыпи в материковой ямке. В заполнении ямки найдена железная В-образная пряжка (Покровский, 1895, 188, рис. 58).

Датировка кургана определяется на основании находки В-образной пряжки. Аналогичные пряжки (тип Притцип-Полибино (группа V) по И. А. Бажану и С. Ю. Каргапольцеву) датируются в Восточной Европе концом IV – началом VI в. (Бажан, Каргопольцев, 1989). Однако в КПДК их использование может продолжаться на протяжении VI в. (Михайлова, 2003, 242). Распространение В-образных пряжек в Восточной Европе исследователи связывают с культурным импульсом второй половины V в. (Казанский, 1999, 414–415; Лопатин, Фурасьев, 2007, 63), приведшим, в том числе, и к появлению КПДК (Фурасьев, 2001, 16; Седов, 2005, 365; Лопатин, Фурасьев, 2007, 74). Таким образом, курган 6 могильника Рацкий Бор можно предварительно датировать V (его второй половиной) – VI в.

Курган 7 (раскопки 1983 г.) имел диаметр 5 м при высоте 1 м. В материке были выявлены две ямки с погребениями по обряду трупосожжения. В погребении 1 найдены четыре фрагмента лепного сосуда и три фрагмента бронзовых украшений. В погребении 2 обнаружены несколько мелких фрагментов лепного горшка, фрагменты бронзовых украшений – би-S-видного цепедержателя, бронзовых пластинок, стержней, спиральных пронизок, целые и фрагментированные трапециевидные подвески. Часть подвесок украшена четырьмя пунктирными линиями. На одной из подвесок нанесен точечный орнамент. Около центра кургана на материке было обнаружено пепельно-угольное пятно, около которого найдены четыре фрагмента стенок лепного сосуда (Дучыц, Шадыра, 2004, 143, мал. 1–2). Авторы раскопок датировали курган VII в. Основаниями для этого, по мнению Л. В. Дучиц и В. И. Шадыро, являются находки лепного сосуда банцеровской культуры, би-S-видный цепедержатель и трапециевидные подвески (Дучыц, Шадыра, 2004, 143, 146).

Однако такая датировка кургана 7 в Рацком Бору VII в. требует пересмотра. Определение фрагментов керамики как банцеровской, сделанное Л. В. Дучиц и В. И. Шадыро, не совсем корректно. Проведенная автором реставрация фрагментов из погребения 1 позволяет убедиться в том, что это не фрагменты банцеровского сосуда, а остатки двух горшков, типичных для КСПДК.

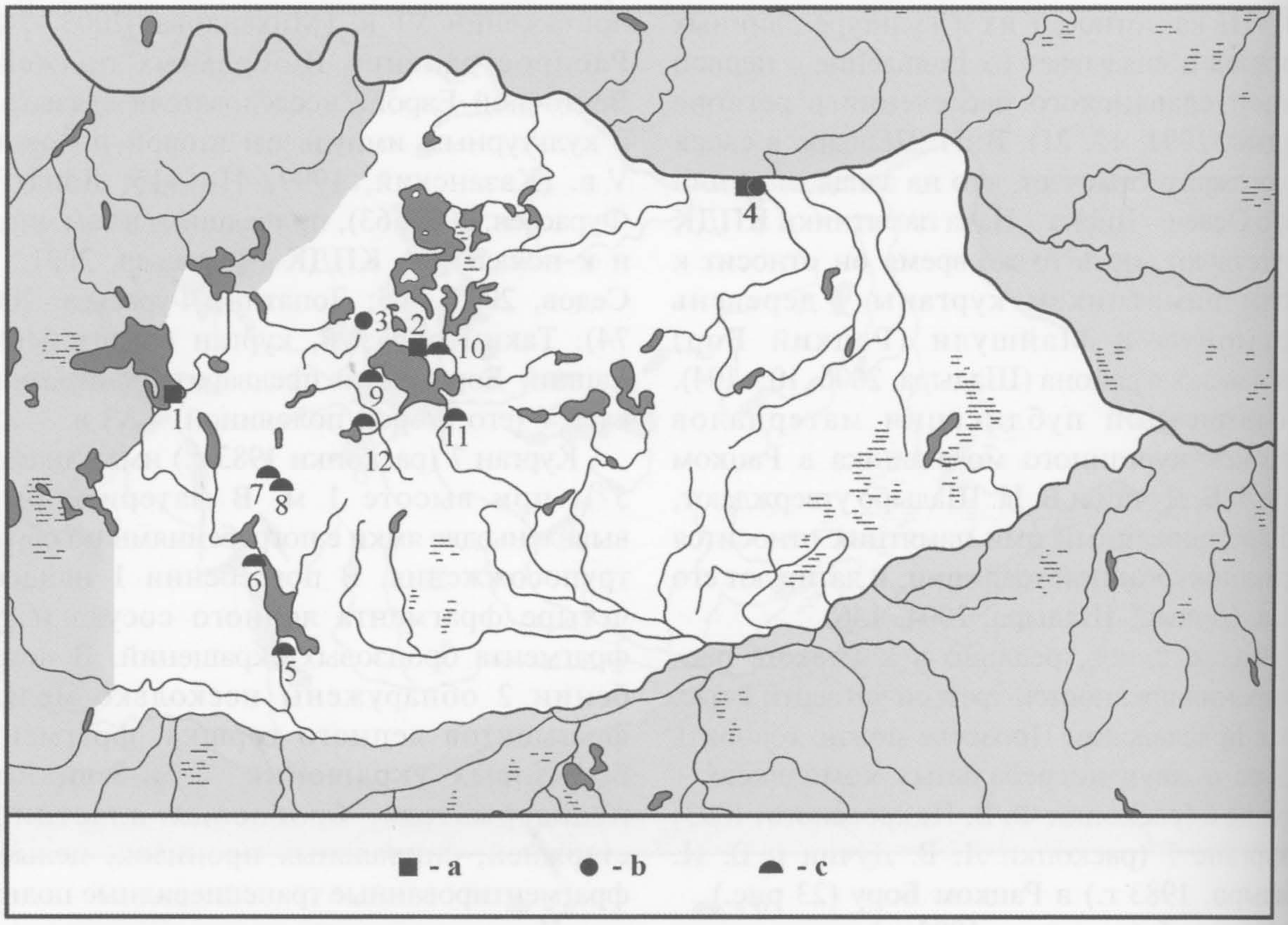


Рис. 24. Археологические памятники Браславского Поозерья конца I тыс. н.э.: 1 – Дрисвяты, 2 - Браслав, 3 – Зазоны, 4 – Прудники, 5 – Устье, 6 – Богино, 7 – Опса, 8 – Довбор, 9 – Рацкий Бор, 10 - Заборные Гумна, 11 – Бельмонты, 12 – Погоща (a – городище с материалами КСПДК, b – селище с материалами КСПДК, c – курганный могильник КСПДК).

Маленькие трапециевидные подвески из погребения 2 датированы исследователями со ссылкой на И.О. Гавритухина VII в. (Дучыц, Шадыра, 2004, 143, 146). Однако сам И. О. Гавритухин относит их к VIII–IX вв. (Гавритухин, 1997, 47). Би-S-видный цепедержатель не может быть датирован узко. Таким образом, курган 7 относится к КСПДК и, соответственно, датируется в рамках второй половины VIII – X/начала XI в. Возможно, что комплекс может относиться к ранним этапам существования культуры и на основании наличия маленьких трапециевидных подвесок датирован второй половиной VIII–IX в. и более поздним временем.

Очевидно, что древности третьей четверти I тыс. н.э. в Браславском Поозерье пока остаются известными крайне слабо. На данном этапе можно высказать лишь следующие предварительные суждения. В культурных слоях поселений этого времени присутствует облитая керамика и встречаются банцеровские материалы. В середине – третьей четверти I тыс. н.э. в регионе (между озерами Дривяты и Погоща) появляются группы населения, хоронившие своих умерших в курганах. Причем курган, исследованный в могильнике Погоща, очевидно, принадлежит культуре псковских длинных курганов.

В ***конце I тыс. н.э.*** в Браславском Поозерье распространяются памятники культуры смоленско-полоцких длинных курганов (24

рис.). Характерные для КСПДК керамика «с плечиками» и вещевой материал встречены в культурных слоях городища «Замок» на озере Дрисвяты, городища «Замковая Гора» в Браславе, селища Зазоны, городища и селища Прудники (Семянчук, 1997, 62; 2001, 300; Шадыро, 2001б, рис. 9:10; Алексеев, 2006, 72–73).

Курганные могильники КСПДК концентрируются на западе Браславского Поозерья – в окрестностях озер Богинского и Дривяты (рис. 24). В данном регионе с конца XIX в. было исследовано 95 курганов в 7 могильниках (Устье, Богино, Опса, Довбор, Рацкий Бор, Заборные Гумна, Бельмонты). Основная масса погребений богинско-дривятского микрорегиона относится к КСПДК (Дернович, Плавинский, 2004, 210). Все относительно узко датируемые комплексы КСПДК датируются X в.

Во второй половине X в. на востоке Браславского Поозерья – в окрестностях озер Укля – Обстерно – Важа – появляются курганные могильники, в которых полностью преобладают погребения по обряду ингумации, а кремации встречаются очень редко (Дернович, Плавинский, 2004, 212). Появление подобных могильников следует связывать с притоком нового населения с востока, связанного своим происхождением с формирующимся раннегосударственным образованием в Среднем Подвинье с центром в Полоцке. Функционирование курганных могильников с трупоположениями на востоке Браславского Поозерья продолжается и в дальнейшем – и в XI, и в XII в. (Плавінскі, Плавінскі, 2003б, 79).

В ***конце X – начале XI в.*** в могильниках КСПДК богинско-дривятского микрорегиона появляется ряд погребений по обряду ингумации (25 рис.), в большинстве из которых найдены предметы вооружения древнерусских и североевропейских типов (Дернович, Плавинский, 2004, 212). Очевидно, что эти погребения были оставлены инородным населением. В скором времени, не позднее середины XI в., курганные могильники богинско-дривятского микрорегиона перестают функционировать (26 рис.) (Плавінскі, Плавінскі, 2003б, 79). Появление ингумаций с оружием отражает начало утверждения интересов Полоцкого княжества в регионе (Дернович, Плавинский, 2004, 212), а сами эти погребения принадлежат полоцким дружинникам.

Одновременно с появлением в некрополях КСПДК погребений по обряду трупоположения с оружием в конце X – начале XI в. происходят пожары на городище «Замок» на озере Дрисвяты и на городище «Замковая Гора» в Браславе (25 рис.), а на их месте возникают городские центры с типичной древнерусской материальной культурой (Алексеев, 1960, 103–105; 1978, 40; Семенчук, 2001, 300, 306; Семянчук, Міроньскі, 2001, 93). Жизнь на селище в Зазонах прекращается, а на городище и селище Прудники проникают традиции древнерусской материальной культуры (Шадыро, 1993, 138, 144). К востоку от Браслава возникают древнерусские крепости Масковичи (Дучыц, 1991, 24–26; 1993, 13) и Ратюнки (Дучиц, Митрофанов, 1994, 180; Егорейченко, 2003).

Уничтожение городищ местного населения, создание мощной системы укреплений, распространение администрации произошли на протяжении короткого времени, что свидетельствует о спланированной и целенаправленной деятельности пришельцев. Можно уверенно связывать произошедшие события с процессом расширения границ Полоцкого княжества. Причем закрепление этой территории за Полоцком, проявившееся в создании системы укрепленных центров, произошло в первые годы правления Брячислава Изяславича – в самом начале XI в. (Плавінскі, Плавінскі, 2003б, 79). В свою очередь, распространение в регионе полоцкой администрации могло произойти несколько ранее.

Курганный могильник Погоща разме-

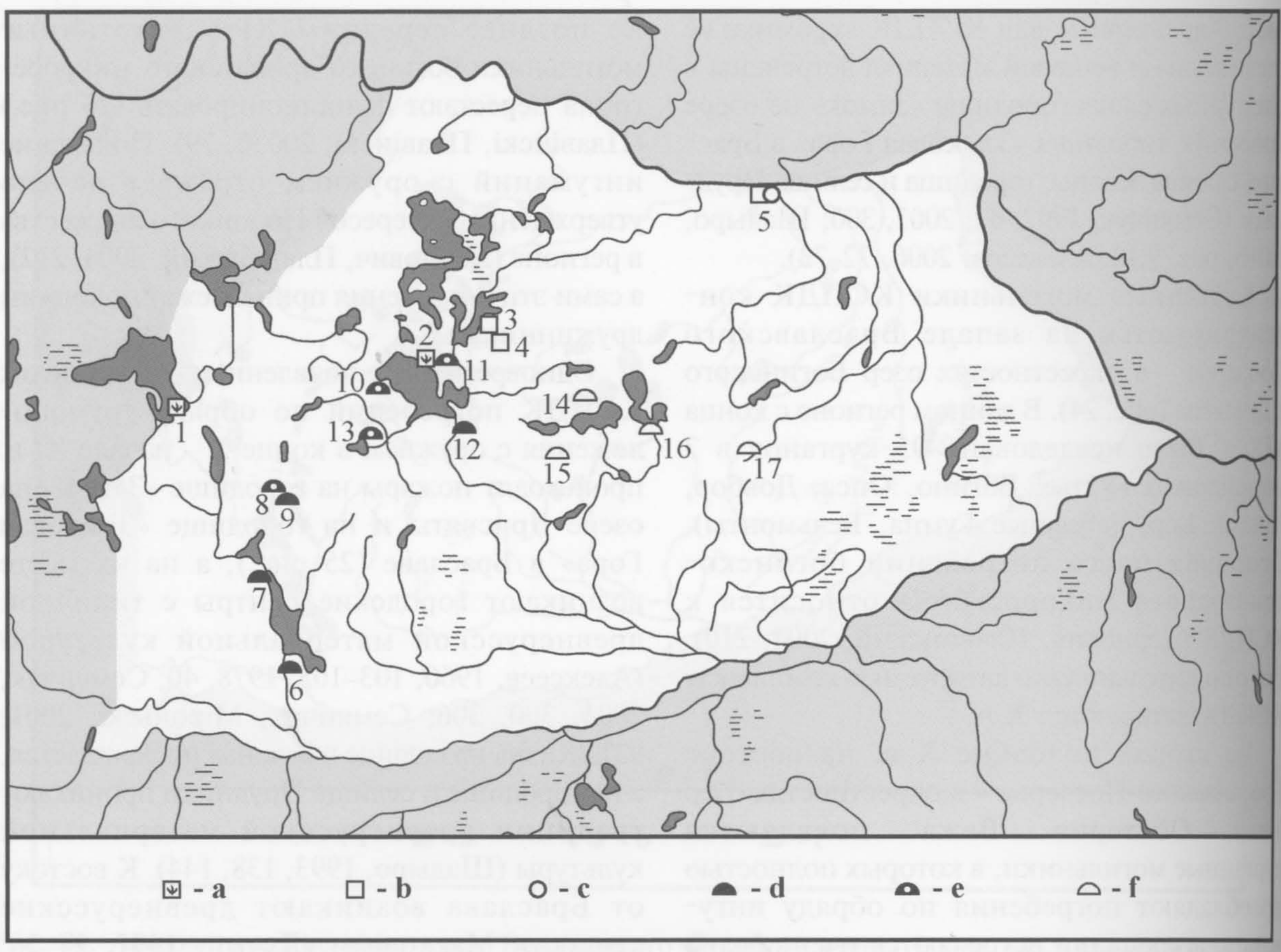


Рис. 25. Археологические памятники Браславского Поозерья рубежа X–XI вв.: 1 – Дрисвяты, 2 – Браслав, 3 – Масковичи, 4 – Ратюнки, 5 – Прудники, 6 – Устье, 7 – Богино, 8 – Опса, 9 – Довбор, 10 – Рацкий Бор, 11 – Заборные Гумна, 12 – Бельмонты, 13 – Погоща, 14 – Укля, 15 – Кузьмовщина, 16 – Лесная, 17 – Кублищина (a – городище с материалами КСПДК, сожженное на рубеже X–XI вв., на месте которого возникла древнерусская крепость, b – древнерусская крепость, c – селище с древнерусскими материалами, d – курганный могильник КСПДК, e – курганный могильник КСПДК с дружинными погребениями, f – древнерусский курганный могильник).

щается в центре богинско-дривятского скопления памятников КСПДК. Однако из пяти исследованных курганов второго культурно-хронологического горизонта только один – курган 8 с женским погребением относится к КСПДК. Кроме того, в мужском погребении в кургане 10 и женском погребении 2 кургана 7 найдены типичные для этой культуры горшки с «плечиками». В целом же могильник Погоща представляется не связанным с погребальными традициями КСПДК. Оставивший его коллектив, очевидно, состоял из различного по происхождению населения, в состав которого входила и определенная часть носителей традиций КСПДК. Мужские ингумации с оружием, совершенные в подкурганных ямах, могут быть интерпретированы как погребения представителей новой администрации, имевших определенное коллективное представление о погребальном ритуале, соответствовавшем их групповому и социальному статусу.

Таким образом, появление второго культурно-хронологического горизонта курганного могильника Погоща может быть соотнесено с вхождением богинско-дривятс-

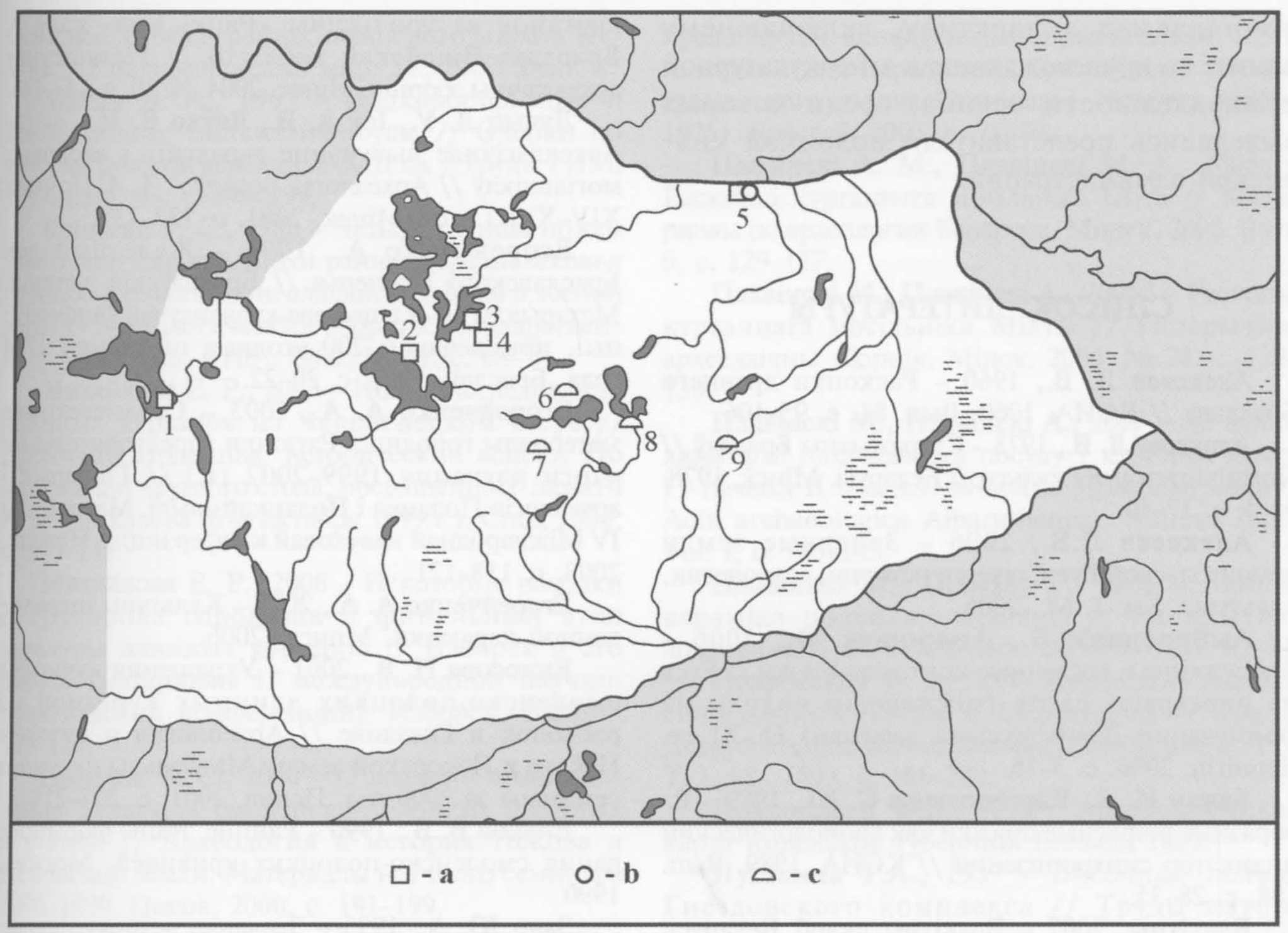


Рис. 26. Археологические памятники Браславского Поозерья во второй половине XI в.: 1 – Дрисвяты, 2 – Браслав, 3 – Масковичи, 4 – Ратюнки, 5 – Прудники, 6 – Укля, 7 – Кузьмовщина, 8 – Лесная, 9 – Кублищина (a – древнерусское городище, b – древнерусское селище, c – древнерусский курганный могильник).

кого скопления памятников КСПДК в сферу влияния Полоцкого княжества и распространением тут полоцкой администрации. Датировку второго культурно-хронологического горизонта могильника можно предварительно определить в рамках второй половины/конца X – начала/первой половины XI в.

ВЫВОДЫ

На основании анализа изученных в 2005–2006 гг. погребальных комплексов курганного могильника Погоща, их хронологии, культурной принадлежности и местоположения в системе синхронных памятников Браславского Поозерья можно сделать следующие основные выводы:

1) Начало функционирования курганного могильника Погоща приходится на третью четверть I тыс н.э. – первый культурно-хронологический горизонт, относящийся к культуре псковских длинных курганов;

2) Большинство исследованных курганов относится ко второму культурно-хронологическому горизонту, который может быть предварительно датирован второй половиной/концом X – началом/первой половиной XI в. и связан с процессом вхождения западной части Браславсого Поозерья в сферу интересов Полоцкого княжества. Могильник

принадлежал коллективу, включавшему разных по происхождению и этно-культурной принадлежности членов, среди которых выделялись представители полоцкой княжеской администрации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Л. В., 1960 – Раскопки древнего Браслава // КСИА. 1960, Вып. 81, с. 95–106.

Аляксееу Л. В., 1978 – Старажытны Браслаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск, 1978. № 4, с. 37–40.

Алексеев Л.В., 2006 – Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М., 2006.

Амбросиани Б., Андрощук Ф., 2006 – Вооружение и восточные контакты Бирки // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруськоі держави) IX–XI ст. Чернігів, 2006, с. 3–16.

Бажан И. А., Каргопольцев С. Ю., 1989 – В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. 1989, Вып. 198, с. 28–35.

Блакітны, 2007 – Блакітны скарб Беларусі: Рэкі, азёры, вадасховішчы, турысцкі патэнцыял водных аб'ектаў. Мінск, 2007.

Гавритухин И. О., 1997 – Маленькие трапециевидные подвески с каймой из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1997. № 12, с. 43–58.

Дернович С. Д., Плавинский Н. А., 2004 – Междуречье Западной Двины и Дисны в системе торговых коммуникаций Эпохи Викингов // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., 2004. Ч. I, с. 209–212.

Дучыц Л. У., 1991 – Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV стст. Мінск, 1991.

Дучыц Л. У., 1993 – Маскавічы // Полоцкий летописец. Полоцк, 1993. № 1 (2), с. 13–18.

Дучыц Л. У., 1994 – Курганны могільнік каля в. Селішча Ушацкага раёна // Гістарычна-археалаічны зборнік. Мінск, 1994. № 3, с. 122–131.

Дучиц Л. В., Митрофанов В. Г., 1994 – Городище Ратюнки // Гістарычна-археалаічны зборнік. Мінск, 1994. № 5, с. 163–182.

Дучыц Л., Шадыра В., 2004 – Раскопкі курганоў ва ўрочышчы «Рацкі Бор» каля г. Браслава Віцебскай вобласці // Гістарычна-археалаічны зборнік. Мінск, 2004. № 19, с. 143–146.

Дучыц Л. У., Іоў А. В., Ляўко В. М., 2001 – Археалагічнае вывучэнне гарадскіх і вясковых могільнікаў // Археалогія Беларусі. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. Мінск, 2001, с. 132–139.

Егорейченко А., 1994 – Железный век Браславского Поозерья // Браслаўскія чытанні. Матэрыялы III-й навукова-краязнаўчай канферэнцыі, прысвечанай 200 угодкам паўстання 1794 года. Браслаў, 1994, с. 20–22.

Егорейченко А. А., 2003 – Средневековые материалы городища Ратюнки (предварительные итоги изучения 1999–2002 гг.) // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Полацк, 2003, с. 118–121.

Егорейченко А. А., 2006 – Культуры штрихованной керамики. Минск, 2006.

Ениосова Н. В., 2001 – Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научного семинара за 2000 год. Псков, 2001, с. 207–219.

Енуков В. В., 1990 – Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. Москва, 1990.

Заяц Ю. А., 1995 – Заславль в эпоху феодализма. Минск, 1995.

Звяруга Я. Г., 2005 – Беларускае Павілле ў жалезным веку і раннім сярэдневякоўі / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск, 2005. Вып. 10.

Исланова И. В., 2006 – Верхнее Помостье в раннем средневековье. М., 2006.

Казанский М. М., 1999 – О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов // Археологические вести. СПб., 1999. № 6, с. 404–419.

Кирпичников А. Н., 1966 – Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / САИ. Вып. Е 1-36. М.-Л., 1966.

Колчин Б. А., 1968 – Новгородские древности. Деревянные изделия / САИ. Вып. Е1–55. М., 1968.

Корзухина Г. Ф., 1978 – Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье / САИ. Вып. Е1-43. Л., 1978.

Лесман Ю. М., 1990 – Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990, с. 29–98.

Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., 2007 –

Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. / Раннеславянский мир. М., 2007. Вып. 8.

Мальм В. А., 1967 – Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. 1967, Вып. 43, с. 149–190.

Минасян Р. С., 1980 – Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб., 1980. № 21, с. 68–74.

Михайлова Е. Р., 2003 – Новые исследования длинных курганов на Череменецком озере // Древности Подвинья: исторический аспект. По материалам круглого стола, посвященного памяти А. М. Микляева (6–8 октября 1999 г.). Спб., 2003, с. 233–243.

Михайлова Е. Р., 2006 – Некоторые находки с Труворова городища и финальный этап культуры длинных курганов // Изборск и его округа (материалы II международной научно-практической конференции). Изборск, 2006, с. 109–124.

Нефёдов В. С., 2000 – О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научного семинара 1996–1999. Псков, 2000, с. 191–199.

Нефёдов В. С., 2002 – Салтовские древности в смоленских длинных курганах // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2002. № 17, с. 131–139.

Носов Е. Н., 1990 – Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

Плавінскі М., 2006 – Даследаванні ў Браслаўскім раёне // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2006. № 21, с. 217–219.

Плавінскі М. А., 2007а – Ланцэтападобныя наканечнікі коп'яў на тэрыторыі Беларусі: храналогія і тапаграфія знаходак // Материалы по археологии Беларуси. Минск, 2007. № 14, с. 156–175.

Плавінскі М., 2007б – Раскопкі курганнага могільніка Пагошча // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2007. № 23, с. 225–227.

Плавінскі А. М., Плавінскі М. А., 2003а – Керамiка курганнага могільніка Навасёлкі // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Полацк, 2003, с. 194–206.

Плавінскі А. М., Плавінскі М. А., 2003б – Новыя дадзеныя па гісторыі Браслаўскага Паазер'я на мяжы I і II тыс. н.э. (па матэрыялах раскопак курганнага могільніка Опса) // Браслаўскія чытанні. Матэрыялы VI-й навукова-краязнаучай канферэнцыі, прысвечанай 150-й гадавіне з дня нараджэння браслаўскага лекара, грамадскага дзеяча Станіслава Нарбута (1853–1926). Браслаў, 2003, с. 78–80.

Плавінскі А. М., Плавінскі М. А., 2005а – Раскопкі курганнага могільніка Опса // Материалы по археологии Беларуси. Минск, 2005. Вып. 9, с. 129–137.

Плавінскі М., Плавінскі А., 2005б – Раскопкі курганнага могільніка Мілты // Гістарычна-археалаічны зборнік. Мінск, 2005. № 20, с. 122–130.

Плавінскі М., Плавінскі А., 2007 – Аб адной катэгорыі пахавальнага посуду ў курганах канца I – пачатку II тыс. н.э. на захадзе Полацкай зямлі // Acta archaeologica Albaruthenica. Мінск, 2007. Vol. I, с. 135–145.

Плавінскі М., Штыхаў Г., 2006 – Ляпная кераміка полацкага селішча // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2006. № 21, с. 62–74.

Покровский Ф. В., 1895 – Курганы на границе современной Литвы и Белоруссии // Труды Девятого археологического съезда в Вильне в 1893. Т. I. М., 1895, с. 166–220.

Покровский Ф.В., 1899 – Археологическая карта Ковенской губернии. Вильна, 1899.

Пушкина Т.А., 1987 – Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды пятого международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. II. Вып. 1б, с. 50–57.

Радиньш А., 2001 – Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10–13 веков // Archaeologia Lituana. 2001. Vol. 2, с. 65–118.

Родинкова В. Е., Седин А. А., 2004 – Браслеты Никодимовского городища // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию В. В. Седова. М., 2004, с. 234–246.

Седов В. В., 1987 – Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1987, с. 353–456.

Седов В. В., 2005 – Избранные труды: Славяне: Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 2005.

Седов В. В., 2007 – Изборск в раннем Средневековье. М., 2007.

Седова М. В., 1981 – Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.

Семенчук Г. А., 2001 – Раннесредневековый археологический комплекс Дрисвяты // Lietuvos archeologija. 2001, Т. 21, с. 299–310.

Семянчук Г., 1997 – Гарадзішча «Замкавая гара» ў Браславе // Гісторыя Беларусі: жалезны

век і сярэднявечча. Да 70-годдзя з дня нараджэння Г. В. Штыхава. Мінск, 1997, с. 61–65.

Семянчук Г., Міроньскі Т., 2001 – Вынікі археалагічнага вывучэння Дрысвяцкага рэгіёну ў 1996 г. і 1999 г. // Браслаўскія чытанні 2000. Матэрыялы V-й навукова-краязнаўчай канферэнцыі, прысвечанай 935-годдзю першай згадкі Браслава ў пісьмовых крыніцах. Браслаў, 2001, с. 92–94.

Сизов В. И., 1902 – Курганы Смоленской губернии. Вып. I. Гнёздовский могильник близ Смоленска / Материалы по археологии России. СПб., № 28, 1902.

Успенская А. В., 1993 – Березовецкий курганный могильник // Средневековые древности Восточной Европы / Труды ГИМ. М., 1993. Вып. 82, с. 75–35.

Фурасьев А. Г., 2001 – Динамика культурных трансформаций в междуречье Западной Двины и Великой во второй и третьей четверти I тыс. н.э. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. СПб., 2001.

Хвощинская Н. В., 2004 – Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтовье) / Труды ИИМК РАН. СПб., 2004. Т. VI.

Чернецов А. В., Куза А.В., Кирьянова Н. А., 1985 – Земледелие и промыслы // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. М., 1985, с. 219–242.

Шадыра В., 2001а – Браслаўскае Паазер'е на пераходзе ад эпохі жалеза да сярэднявечча // Браслаўскія чытанні 2000. Матэрыялы V-й навукова-краязнаўчай канферэнцыі прысвечанай 935-годдзю першай згадкі Браслава ў пісьмовых крыніцах. Браслаў, 2001, с. 97–100.

Шадыра В. І., 2004 – Новыя дадзеныя з раскопак гарадзішча Клішына Крупскага раёна // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2004. № 19, с. 290–291.

Шадыра В. І., 2006 – Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.). Мінск, 2006.

Шадыро В. И., 1993 – Средневековые материалы из городища Прудники // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі: Новыя матэрыялы і даследаванні. Мінск, 1993, с. 138–146.

Шадыро В. И., 2001б – Городище и селище Прудники // Lietuvos archeologija. 2001, T. 21, с. 267–274.

Ширинский С. С., 1999 – Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Гнёздовский могильник: Исследования и публикации. Ч. 1. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ) / Труды ГИМ. Памятники культуры. М., 1999. Вып. XXXVI, с. 87–146.

Шмидт Е. А., 2003 – Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв н.э. Тушемлинская культура. Смоленск, 2003.

Шмидт Е. А., 2005 – Курганный могильник у дер. Арефино // Смоленские древности. Вып. 4. Курганные могильники VIII–X веков центральной части Смоленского Поднепровья. Смоленск, 2005, с. 54–100.

Штыхаў Г. В., 1992 – Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск, 1992.

Arbman H., 1943 – Birka. I. Die Gräber. Text. Uppsala, 1943.

Atgāzis M., 1964 – Latgaļu 9.–12. cirvji // Arheologija un etnogrāfija. 1964, T. VI, p. 105–125.

Atgāzis M., 1997 – Āvas cirvji Latvijā // Arheologija un etnogrāfija. 1997, T. XIX, p. 53–63.

Berga T., 2007 – Augšdaugavas 14.–17. gadsimta senvietas no Krāslavas līdz Slutišķiem. Rīga, 2007.

Bertašius M., 2002 – Vidurio Lietuva VIII–XII a. Kaunas, 2002.

Bliujienė A., 1999 – Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika. Vilnius, 1999.

Butėnas E., 2002 – Kurklių Šilo pilkapynas // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2000 metais. Vilnius, 2002, p. 60–63.

Ciglis J. 2001 – Some notes on the chronology of Latgallian and Selonian artifacts in the Middle Iron Age // Archaeologia Lituana. 2001, Vol. 2, p. 48–64.

Hedenstierna-Jonsson C., Holmquist Olausson L., 2006 – The Oriental Mounts from Birka's Garrison // Hedenstierna-Jonsson C. The Birka Warrior. The material culture of a martial society / Theses and Papers in Scientific Archaeology. 8. Stockholm, 2006.

Iwanowska G., Kazakevičius V., 2001 – Kurhan 47 z mieczem z cmentarzyska w Żwirblach (Žvirblai) // Lietuvos archeologija. 2001, T. 21, p. 241–266.

Iwanowska G., 2006 – Cmentarzysko kurhanowe w Żwirblach pod Wilnem. Wprowadzenie w problematyk. Katalog. Warszawa, 2006.

Jansson I., 1989 – Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Skandinavien // Oldenburg – Wolin – Staraja Ladoga – Novgorod – Kiev. Handel und Handelsverbindungen in südlichen östlichen Ostseeraume während des frühen Mittelalters. Frankfurt am Main, 1989, p. 564–647.

Kazakevičius V., 2000 – Visėtiškių pilkapynas // Lietuvos archeologija. 2000, T. 20, p. 21–99.

Michelbertas M., 2004 – Pajuosčio pilkapynas. Vilnius, 2004.

Radiņš A., 1999 – 10.–13. gadsimta senkapi latgaļu apdzīvotajā teritorijā un Austrumlatvijas etniskās un politiskās vēstures jautājumi / Latvijas vēstures muzeja raksti. Rīga, 1999. Nr. 5.

Spirģis R., 2005 – Daugavas lībiešu važturi 10.–14. gadsimtā // Arheoloģija un etnogrāfija. 2005, T. XXII. Rīga, p. 135–176.

Tautavičius A., 1996 – Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius, 1996.

Thunmark-Nylén L., 1998 – Die Vikingerzeit Gotlands. Vol. II. Typentafeln. Stockholm, 1998.

Selonians, 2007 – The Selonians = Sėliai: baltų archeologijos paroda. Katalogas. Vilnius, 2007.

Semigallians, 2007 – The **Semigallians** = Žiemgaliai: baltų archeologijos paroda. Katalogas. Vilnius, 2005.

Vaska B., 2006 – Sēļu un viņu kaimiņu ornaments agrajā un vidējā dzelzs laikmetā // Pētījumi sēļu senatnē: Rakstu krājums / Latvijas Nacionālā vēstures muzeja raksti. Rīga, 2006. Nr. 11, p. 87–104.

Vaškevičiūtė I., 2000a – Stungių kapinynas // Lietuvos archeologija. 2000, T. 20, p. 225–262.

Vaškevičiūtė I., 2000b – Etnokultūrinė žiemgalių sritis // Lietuvos archeologija. 2000, T. 20, p. 141–157.

Volkaitė-Kulikauskienė R., 1961 – Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961.

Zariņa A., 2006 – Salaspils Laukskolas kapulauks 10.–13. gadsimts. Rīga, 2006.

Žulkus V., 2004 – Kuršiai Baltijos jūros erdvėje: monografija. Vilnius, 2004.

POGOŠČIOS PILKAPYNAS: 2005–2006 M. TYRIMŲ REZULTATAI

Nikolai Plavinski

Santrauka

Pogoščios pilkapynas yra 500 m į ŠR nuo Pogoščios kaimo (Opsos apyl., Braslaujos r., Vitebsko sr.) rytinėje Beržonkos ežero terasoje, miške (1 pav.). Autoriaus vadovaujami tyrinėjimai čia vyko 2005–2007 m. Iš viso tyrinėti 8 pilkapiai, ištirtos 6 perkasos, 1 šurfas ir 1 tranšėja, t.y. 642 m^2 (iki įžemio ištirta 605 m^2) (2 pav.). Straipsnyje aptariami 2005–2006 m. rezultatai.

Kapų kompleksai: aprašymas ir datavimas

I perkasa (2005 m.) ištirta Š pilkapyno dalyje ir apėmė 1 ir 2 pilkapius (2, 4 pav.). *1 pilkapyje* įžemyje buvo iškasta 2,2x1,4 m dydžio ir 0,6 m gylio duobė, orientuota V–R kryptimi (5 pav.). Joje galva į R palaidotas gana turtingas nesudegintas mirusysis (6 pav.). Kapas datuojamas X a. pabaiga–XI a. pradžia. *2 pilkapio* sampile atsitiktinai rastas kaplys (8:2 pav.), greičiausiai pamestas pilkapio pylimo metu. Pagal jį pilkapį galima datuoti apytiksliai I tūkst. po Kr. antrąja puse–II tūkst. pr.

Plačiausiai tyrinėta pilkapyno centrinėje dalyje. 2006–2007 m. čia kasinėtos II–V perkasos, I šurfas ir I tranšėja (436 m^2) (2, 9 pav.). Straipsnyje detaliau aptariami 2006 m. tyrinėjimai ir jų rezultatai (II–IV perkasos).

9 pilkapyje (II perkasa) (10 pav.) iš karto po velėna aptiktas degintinis kapas, buvęs sampilo PR pakraštyje, iš dalies griovyje (11 pav.). Surinkti degintiniai kaulai svėrė per 6,1 kg. Jie priklausė ne mažiau nei 4 individams – dviem suaugusiems (vyrui ir moteriai) ir dviem vaikams. Kai kurie kaulai – gyvulių. Tarp degintinių kaulų aptika 34 susilydę žalvario fragmentai. Šalia degintinių kauliukų sluoksnelio, į P aptiktas sukiužęs lipdytas kibiro formos indas su į išorę atlenktu pakraštėliu. Palaidojimas gali būti datuojamas I tūkst. po Kr. 3-iuoju ketvirčiu, greičiausiai VII a.

8 pilkapyje (III perkasa) (13 pav.) taip pat rastas degintinis kapas, įrengtas duobėje, įžemyje, degėsingo pagrindo ŠR pakraštyje (15:2 pav.). Degintiniai kauliukai priklausė 13–16 m. mergaitei.

Kartu rasta degintinių paukščio ir gyvūnų kaulų (2 lent.). Pagal kapo įkapes (16 pav.) pilkapis gali būti priskiriamas Smolensko–Polocko ilgųjų pilkapių kultūros (SPIPK) baigiamajam etapui ir datuotas X a. antrąja puse–XI a. pradžia.

10 pilkapyje (IV perkasa, iš V prijungta prie II perkasos) (17 pav.) 3,5x1,9 m dydžio duobėje po sampilu, 1,2 m gylyje rastas griautinis 49–51 m. amžiaus vyro su kirstine (?) žaizda kaukolėje (18, 19 pav.) kapas. Šalia griaučių rasta segė, peilis, kirvis, lipdyto puodo šukių ir raižyto medinio indo, taisyto variniais apkalėliais, pėdsakai (20, 21 pav.).

Pilkapyno chronologija ir laidosena (preliminarios interpretacijos)

2005–2007 m. ištirti 8 pilkapiai. Jų pagrindu galima išskirti kelis kultūrinius chronologinius etapus. *Pirmajam* priklauso 9 pilkapis, datuojamas I tūkst. po Kr. 3-iuoju ketvirčiu ir priskiriamas Pskovo ilgųjų pilkapių kultūrai. Antrajam horizontui priskiriami pilkapiai 1, 7 (2007 m.), 8, 10, 15 (2007 m.), datuojami X–XI a. Pilkapynas intensyviausiai buvo naudojamas X a. pabaigoje–XI a. pradžioje.

Vyrų kapai 1, 10 ir 15 (2007 m.) pilkapiuose įrengti gan vienodai: duobėse po degėsingu sampilo pagrindu ir orientuoti galvomis į R. Kūnai buvo patalpinti į karstus primenačias beržines konstrukcijas. Artefaktų skaičius kapuose skyrėsi: 1 ir 10 pilkapiuose rasti atitinkamai 10 ir 5 objektai, abiejuose buvo po ginklą, segę, peilį ir indą. Skurdesniame 5 pilkapyje aptikta tik segė, diržo sagtis ir peilis.

Moterų kapų rasta pilkapiuose 7 (2007 m.) ir 8. Duobėje po sampilu palaidotos sudegintos mergaitės kapas priskiriamas SPIPK baigiamajam etapui (X a. antroji pusė–XI a. pradžia). 7 pilkapyje rastas dvigubas vaiko ir moters kapas. Vaikas palaidotas ant pilkapio pagrindo galva į PR, moteris – duobėje po sampilu, galva į ŠV. Moteris palaidota su turtingomis įkapės.

Pogoščios pilkapynas Braslaujos ežeryno pilkapių kontekste

I tūkst. po Kr. 3-iojo ketvirčio situacija Braslaujos ežeryne kol kas menkai žinoma (23 pav.). To meto gyvenviečių kultūriniuose sluoksniuose kartu su grublėtąja keramika randama Bancerovo tipo medžiagos. *I tūkst. po Kr. viduryje – 3-iajame ketvirtyje* tarp Driviatų ir Pogoščios ežerų gyventojai pradeda savo mirusiuosius laidoti pilkapiuose. Pogoščioje tyrinėtasis ankstyvojo horizonto pilkapis (9) priklauso Pskovo ilgųjų pilkapių kultūrai. *I tūkst. pabaigoje* Braslaujos ežeryne išplinta SPIPK (24 pav.), kuriai būdingi indai „su peteliais“ bei inventorius, aptiktas Drisviatų ežero piliakalnyje „Zamok“, Braslaujos „Zamkovaja Gora“ piliakalnyje, Zazonų ir Prudnikų gyvenvietėse. Minėtos kultūros pilkapiai, datuojami X a., koncentruojasi Braslaujos ežeryno vakarinėje dalyje, Boginskoje ir Driviatų ežerų apylinkėse (Ustje, Bogino, Opsa, Dovbor, Rackij Bor, Zabornye Gumna, Belmonty). X a. antrojoje pusėje Braslaujos ežeryno rytinėje dalyje (Uklya–Obsterno–Vasha apyežeriuose) (25 pav.) plinta pilkapiai, kuriuose dominuoja inhumacija, kremacijos pasitaiko retai. Jie atsirado pasirodžius naujiems gyventojams, sietiniems su ankstyvojo valstybinio junginio su centru Polocke susiformavimu. Šie pilkapiai su inhumacijomis rytinėje Braslaujos ežeryno dalyje egzistavo ir XI–XII a.

X a. pabaigoje–XI a. pradžioje SPIPK priklausiusio Boginskoje–Driviatų ežeryno apylinkėse plinta inhumacija (25 pav.). Griautiniuose kapuose randama daug ginkluotės, būdingos senosios Rusios teritorijai ir Šiaurės Europai. Jų atsiradimas byloja apie Polocko Kunigaikštystės įtaką mikroregione, o patys palaidojimai priskirtini kariaunos nariams. Ne vėliau kaip XI a. viduryje pilkapynai šiame regione nustoja funkcionuoti.

Laidosenos pokyčius X ir XI a. tarpribiu lydėjo gaisrai, kurių pėdsakų aptikta Driviatų ežero, Braslaujos piliakalniuose (25 pav.) ir po kurių čia įsiku-

ria miesto tipo centrai, turintys tipinę materialinę kultūrą. Į rytus nuo Braslaujos atsiranda rusinų tvirtovės Maskovičiuose ir Ratiunkuose. Vietos bendruomenių piliakalnių sunaikinimas, gynybinės sistemos sukūrimas, administracijos įsitvirtinimas įvyko per trumpą laiką. Tai byloja apie tikslingą veiklą, susijusią su Polocko Kunigaikštystės plėtra. Tai įvyko Briačislavo Izjaslavičiaus valdymo metu XI a. pradžioje (administraciniu lygmeniu gal kiek anksčiau).

Pogoščios pilkapynas yra Boginskoje–Driviatų mikroregione išplitusių SPIPK paminklų centre. Tačiau tik vienas (8) iš penkių ištirtų to meto pilkapių priklauso šiai kultūrai. Jai būdingos keramikos „su peteliais“ dar rasta 10 pilkapio vyro kape ir 7 pilkapio 2 moters kape. Iš esmės pilkapyno medžiaga byloja, jog čia palaidoti atstovai priklausę skirtingoms kultūroms. O griautinius vyrų kapus su ginklais duobėse po sampilais galima sieti su naujosios administracijos atstovais.

Taigi Pogoščios pilkapynas pradėjo funkcionuoti I tūkst. po Kr. 3-iajame ketvirtyje. Tai pirmasis horizontas, priskirtinas Pskovo ilgųjų pilkapių kultūrai. Dauguma tirtų pilkapių priklauso antrajam horizontui, datuojamam X a. antrąja puse/pabaiga–XI a. pradžia/pirmąja puse ir susijusiam su Braslaujos ežeryno vakarinės dalies įtraukimu į Polocko Kunigaikštystės interesų sferą. Pilkapyne palaidotieji pagal savo kilmę ir tapatumą priklausė skirtingoms kultūrinėms ir socialinėms grupėms.

Vertė Andra Simniškytė, Dovilė Urbanavičiūtė

ILIUSTRACIJŲ SĄRAŠAS

1 pav. A – Pogoščios pilkapynas Dauguvos ir Dysnos tarpupyje; B – pilkapynas Pogoščios kaimo apylinkėse; C – archeologiniai paminklai Pogoščios apylinkėse (1 – Pogoščios II (Konstalina) gyvenvietė; 2 – Pogoščios I gyvenvietė; 3 – Pogoščios pilkapiai).

2 pav. Pogoščios pilkapyno planas: 1 – vizualiai išsiskiriantys pilkapiai; 2 – vizualiai neišsiskiriantys pilkapiai; 3 – perkasų vietos (perkasa I – 2005 m.; perkasos II, III, IV – 2006 m.; perkasos V, VI, šurfas I, tranšėja I – 2007 m.).

3 pav. Sutartiniai žymėjimai.

4 pav. Perkasa I (2005 m.).

5 pav. Perkasa I (2005 m.). Tyrinėjimų planas.

6 pav. 1 pilkapis (perkasa I, 2005 m.): 1 – pilkapio pjūvis; 2 – kapas duobėje po pilkapio sampilu.

7 pav. 1 pilkapio įkapės: 1–5 – sagos, 6 – sąsaga, 7 – segė, 8 – peilis, 9 – ietigalis, 10 – žiestas puodas.

8 pav. 2 pilkapis (perkasa I, 2005 m.): 1 – pilkapio pjūvis, 2 – geležinis kaplys.

9 pav. Tyrinėjimų planas (perkasos II–V, šurfas I ir tranšėja I – 2006–2007 m.).

10 pav. 9 pilkapis (perkasa II, 2006 m.).

11 pav. 9 pilkapis (perkasa II, 2006 m.). Tyrinėjimų planas ir pilkapio pjūviai.

12 pav. 9 pilkapio radiniai: 1–5 – apyrankių fragmentai, 6–9 – žiedų (arba įvijų?) fragmentai, 11–14 – įvijų fragmentai, 15–18 – susilydžiusių dirbinių fragmentai, 19 – lipdytas puodas.

13 pav. 8 pilkapis (perkasa III, 2006 m.).

14 pav. 8 pilkapis (perkasa III, 2006 m.). Tyrinėjimų planas.

15 pav. 8 pilkapis (perkasa III, 2006 m.): 1 – pilkapio pjūviai, 2 – kapo planas, 3 – akmenų konstrukcija ant peleningo pilkapio pagrindo.

16 pav. 8 pilkapio radiniai: 1 – lipdytinis puodas, 2 – S formos skirstiklis, 3 – trapecijos formos pakabutis, 4 – antsmilkinis, 5 – dvigubo nupjauto kūgio formos verpstukas, 6 – viršutinė lipdytinio puodo dalis.

17 pav. 10 pilkapis (perkasa IV, 2006 m.).

18 pav. 10 pilkapis (perkasa IV, 2006 m.). Tyrinėjimų planas.

19 pav. 10 pilkapis (perkasa IV, 2006 m.): 1 – pilkapio pjūviai, 2 – kapas po pilkapio sampilu.

20 pav. Pilkapio 10 kapo įkapės: 1 – lipdytinis puodas, 2 – peilis, 3 – kirvis, 4 – segė.

21 pav. Pilkapio 10 kape rastas medinis raižytas indas su variniais apkaustais.

22 pav. Bronzos amžiaus medžiaga ir tinklų svarelių fragmentai: 1–9 – lipdytinės bronzos amžiaus keramikos fragmentai, 10 – svarelių fragmentai (4–9, 10b – perkasa II, 1–3 – perkasa III, 10a – perkasa IV).

23 pav. Braslaujos apyžerio I tūkst. 3-iojo ketvirčio archeologiniai paminklai: a) gyvenvietė, b) pilkapis.

24 pav. Braslaujos apyežerio I tūkst. pabaigos archeologiniai paminklai: a) SPIPK piliakalniai, b) SPIPK gyvenvietės, c) SPIPK pilkapiai.

25 pav. Braslaujos apyežerio X–XI a. sandūros archeologiniai paminklai: a) SPIPK gyvenvietė, sudeginta X–XI a. sandūroje, kurios vietoje išaugo senoji rusinų tvirtovė, b) senoji rusinų tvirtovė, c) gyvenvietė su rusinų kultūrai būdinga medžiaga, d) SPIPK pilkapiai, e) SPIPK pilkapiai su karių palaidojimais, f) rusinų pilkapiai.

26 pav. Braslaujos apyežerio archeologiniai paminklai XI a. antrojoje pusėje: a) rusinų piliakalnis, b) rusinų gyvenvietė, c) rusinų pilkapiai.

Mikalai Plavinski
The National Museum of History and Culture of Belarus,
Karl Marx str., 12, 220088, Minsk, tel. +375(17) 227-02-64
El. paštas: plavinsky_arc@mail.ru

Gauta 2008 06 23